

ГОДУНОВ

КРОВАВЫЙ ПУТЬ
К ТРОНУ

Расследование убийства, которому почти 500 лет.
Причастен ли Годунов к смерти мальчика?
Его путь к царскому трону прошел по крови ребенка?

Александр Бубенников

Годунов. Кровавый путь к трону

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бубенников А. Н.

Годунов. Кровавый путь к трону / А. Н. Бубенников — «Эксмо»,
2018

ISBN 978-5-04-096884-8

Роман прекрасно дополняет масштабный исторический телепроект «Годунов» для канала «Россия 1». Он содержит много малоизвестных фактов о блистательной и в то же время странной карьере Годунова. Позиция автора романа не дает однозначного ответа, был ли Годунов «заказчиком» убийства царевича Дмитрия, но позволяет читателям самим ответить на вопрос: кем же был Годунов – детоубийцей и интриганом? Или великим государственным и создателем? Умирает первый русский царь Иван Грозный, и на престол по закону престолонаследия восходит его сын Федор. Но Федор – неумен и безволен и управлять Россией явно не способен. Свято место пусто не бывает. Молодой боярин Годунов, путем интриг вошедший в круг высшей государственной элиты, сумел быстро и полностью захватить власть в свои руки. Он строил города, возвращал потерянные в войнах русские земли, заключал с соседними государствами мирные договоры и уже подобрался к вершине всеобщей любви и славы, как вдруг при странных обстоятельствах погибает единственный законный наследник престола – малолетний царевич Дмитрий, который должен был вскоре занять царский трон. Что это? Случайность? Или жестокий замысел Годунова? Народ не верит в случайность. Боярин Василий Шуйский начинает расследование гибели юного царевича...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096884-8

© Бубенников А. Н., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	39
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Николаевич Бубенников

Годунов. Кровавый путь к трону

© Бубенников А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Глава 1

К середине марта 1584 года, когда безмолвствующий в печали двор со дня на день ждал смерти своего государя, когда повсеместно по всей огромной стране во всех монастырях и церквях молились о здравии и продлении жизни Грозного, виновного в опалах и гибели невинно избитых и загубленных, состояние его внезапно улучшилось... К угасающему на глазах всех придворных царю неожиданно и бурно прихлынули вроде как безвозвратно покинувшие его жизненные силы – и уже это одно многими придворными было расценено как чудо и тайный добрый знак свыше...

Зашептались промеж собой об этом явленном чуде в кремлевском дворце ревностные придворные печальники и богомольцы за цареву здравие, искренние и лицемерные:

– ...Значит, до Господа дошли слова всенародной молитвы подданных государя за его здравие...

– ...Не оставили, выходит, Пречистая Богородица, Святой Никола Чудотворец и многие святые отцы, вняв молитвам самого государя...

– ...Заслужил венценосец небесного прощения своим искренним покаянием за грехи содеянные...

– ...Может, и заслужил самодержец – болезни-то по грехам, а исцеление по покаянию...

– ...Наверное, каялся сильнее, чем грешил...

– ...Это верно, сильнее его грешить невозможно...

– ...А каялся он, действительно, сильно и безмерно... Вот и пересилил покаянием грехи тяжкие...

– ...Только к грехам своим святых отцов не присовокуплял, а к покаянию своему все церкви и монастыри присовокупил... Потому и пересилил...

– ...Неужто и впрямь из гроба, с того света можно уползти?... Неужто можно и крышку гроба сдвинуть над собой, и могильную землю над собой руками разбросать?...

– ...Значит, можно и с того света смыться, если силы в себе почуют и от лекарств дохтура Эйлафа отказаться...

– ...И от смертной болезни удрать можно, к радости сына Федора, его супруги Ирины и ее брата, любимца государева боярина Бориса Годунова...

– ...Заскучает Богдан Бельский, родич Годуновых, без дела, раз выздоравливающий государь не будет теперь из его рук заморские лекарства принимать...

Все при дворе знали, что состояние Грозного сильно ухудшилось за последнее время, с резким кризисом в конце февраля, когда из-за обострения болезни – «что по грехам учинена» – в государевых аудиенциях было отказано английскому послу Боусу, а также польскому послу. Царя в последнее время лечили с помощью своих редких заморских лекарств английский врач Якоби, а потом знаменитый фламандский лейб-медик Эйлаф. Но при дворе знали и странную причуду государя: при высочайшем уважении и полном доверии к знатным иностранным докторам, он уже с давних пор принимал вовнутрь все снадобья только из рук своего худародного любимца Богдана Яковлевича Бельского под надзором боярина Бориса Федоровича Годунова...

Грозный выделил Бориса Годунова и Богдана Бельского еще со времен разгара опричнины, когда их ввел в особое цареву окружение близкий родственник Богдана, свирепый Малюта Скуратов-Бельский. Началу придворной карьеры юного Бориса, родившегося в 1552 году, способствовал дядя Дмитрий Васильевич Годунов, занимавший должность «постельничего» при дворе царя. Именно постельничий, помимо многих хозяйских забот, занимался охраной царских покоев, что в тревожные и опасные времена опричнины, заговоров и противостояний внешних и внутренних приобретало первостепенное значение. Юный Борис Году-

нов начинал свою бурную придворную карьеру сначала в свите старшего сына Грозного, Ивана Ивановича (1554–1582), под началом Василия Петровича Захарьина-Яковлева. Какое-то время Годунов, даже при протекции постельничего дяди из дружеских, даже братских отношений с царевичем Иваном, оставался фигурой неприметной. Только в 18 лет он сделал первую решительную попытку возвышения, своего наивного взлета «в высокие круги» при дворе: рядовой, но амбициозный опричник женился на дочери первого опричника царя Малюты Скуратова, Марии. Царь Иван Грозный обратил внимание на Бориса и приблизил его к себе, когда тот вместе с тестем Малютой Скуратовым способствовали осенью 1571 года в Александровской слободе очередному, третьему браку царя с Марфой Собакиной, приходившейся родственницей Малюте. Но царица Марфа, на свадьбе которой Борис был дружкой, всего через 15 дней после свадьбы скорострительно умерла, официально двором было объявлено, что юную царицу извели ядом. Тесть Малюта и зять Борис тем временем принялись укреплять свое положение при дворе новыми брачно-родственными союзами: в том же 1571 году первый наследник царя, царевич Иван Иванович, сыграл свадьбу с близкой родственницей Бориса Годунова, Евдокией Сабуровой, а в 1575 сестра Бориса Ирина стала супругой царевича Федора. Через три года Грозный пожаловал своего родича Бориса придворным чином кравчего, ответственным за стольников, подающих еду и напитки, а затем и боярским званием.

Возвышение Богдана Бельского также было связано с первым опричником Русского царства. После гибели во время ливонского похода в 1572 году жестокого «царева ока» Малюты государь приблизил к себе его родича Богдана, который возглавил сыскное ведомство и стал новым всевидящим оком царя. Последние 12 лет Богдан Бельский в качестве нового «царева ока» безмерно пользовался всеми милостями Грозного и заслужил такое особое положение при дворе, что все лекарства во время тяжелой болезни царь принимал только из его рук. При дворе догадывались о тайных причинах такой причуды царя, вызванной безмерным доверием и расположением к Богдану Бельскому.

Всего год назад больной и преисполненный печали по поводу гибели престолонаследника, царевича Ивана, царь, услышав о смерти в Литве своего заклятого врага Андрея Курбского, изъявил нескрываемую радость – он пережил изменника, бывшего его лучшим другом детства и юности. Тогда-то Грозный и признался Годунову и Бельскому, что Курбский в пору далекой юности потряс его рассказами о пребывании в Золотой Орде его знаменитого праотца, святого благоверного князя Федора Ярославского и Смоленского. Золотоордынский хан, прежде чем выдать за русского князя свою дочку, испытывал его, посылая начальником русско-татарского войска против своих врагов, а сажая за общим столом на пирах рядом с собой, поручал наливать вина и напитки и подносить ему ханскую чашу... Вот и особую близость к царю получили особо доверенные кравчий – боярин Годунов и «подносящий лекарства» Бельский...

Посетовал горько Иван Грозный боярину Годунову и «цареву оку» Бельскому, что только одним тайным советом своего тогдашнего друга Андрея Курбского воспользовался: сам молился о здравии царицы Анастасии перед чудотворной иконой святого Федора с сыновьями Давидом и Константином и супругу обязал молиться и к ней прикладываться во время тяжелой болезни – и ведь полегчало одно время царице... Только вторым советом ярославского князя царь не воспользовался... Знал ведь что-то тайное и темное о замыслах лихих отравителей-заговорщиков в окружении царицы Анастасии тогдашний лучший воевода Андрей Курбский, если вскользь, как бы невзначай, намекнул другу юности царю воспользоваться примером из жизни своего праотца, святого Федора и хана Золотой Орды. Чтобы все лекарства во время своей тяжелой болезни царица Анастасия принимала только из рук царя... Незачем было Годунову и Бельскому слышать о том, что Курбский был равнодушен к Анастасии, а про отношения хана-тестя и князя-зятя в Орде было сказано со смыслом: подносить чашу что с

вином, что с лекарствами – это дело более ответственное, чем просто принимать что-то от доверенного лица...

Бельский, в отличие от Годунова, не был боярином земской Думы, которую возглавлял удельный князь Иван Мстиславский, но с видимым удовольствием, на ушко, «по большому секрету», пересказывал придворным историю о ханской чаше с вином и царской чаше с лекарством в самом выгодном для себя свете. Мол, разных бояр и вельмож тьма, а доверенных чашечников – единицы. Только он и Годунов. Царский двор, как последыш, отошедшей в небытие опричнины и противовес земской Думе, возглавляли Богдан Бельский, Борис Годунов и Афанасий Нагой, дядя шестой супруги Грозного Марии. Вот и любил напомнить многим боярам чашечник и «царево око» Богдан Бельский душераздирающие истории о том, как не раз государь, принимающий заморские лекарства из его рук в знак глубочайшего признания и доверия, несколько раз обличал главу боярской Думы Ивана Федоровича Мстиславского как государственного изменника и колотил публично посохом...

Чувствуя близкое дыхание своей смерти, Грозный решил примириться со всеми погубленными им людьми за время его правления. Еще не достигший дряхлой старости, еще временами бодрый и веселый духом, даже весьма пылкий в фантомных плотских вожделениях ума и сердца, он уже два года с обреченностью жалкого смертника думал о своем скором конце... С какого же дня, да и с какой же стати он задумал примириться со всеми загубленными, чтобы и они, и их губитель на небесах обрели покой души?...

Он вспомнил в тайных доверительных беседах с глазу на глаз с Годуновым и Бельским о том, что через четыре дня после совещания с земскими боярами, покинувшими Александровскую слободу, он написал им письмо о смертельной болезни сына: «...Которого вы дня от нас отъехали, и того дни Иван сын разнемогся и нынче, конечно, болен... а нам, докудово Бог помилует Ивана сына, ехать отсюда невозможно...» Значит, с девятого ноября 1581-го страшного для царя года – «докуда Бог помилует» или не помилует? – и задумался он о примирении со всеми загубленными им душами, когда их долгожданный первенец с царицей Анастасией, переживший мать и опередивший в своей смерти отца, еще был жив...

Только не помиловал Бог 27-летнего царевича после роковой ссоры с ним в день отъезда бояр из Слободы, что и вынудило Грозного прибегнуть к особой, даже удивительной форме царского покаяния. «Впав в горячку» 9 ноября и проболев 11 дней, царевич Иван умер – вот эта последняя жертва собственного сына и подвигла несчастного отца к попытке засвидетельствовать о многочисленных предыдущих кровавых жертвах своего царствования, составить для облегчения совести списки тех, кто стал «Кроновой» жертвой по царской воле...

Грозный, как и Годунов, прекрасно знал, что Кронос – кровожадный отец олимпийского бога Зевса-Юпитера, пожиривший своих детей... У греков он символизировал верховную власть, которая мистически неумолимо и беспрепятственно влияет на любые сферы жизни. Символическое древнее изображение Кроноса в виде серпа указывало на его способность прекращать – скашивать, как траву! – любой акт творения, в том числе человеческую жизнь. Кронос – один из титанов, младший сын Урана, бога Неба, и Геи (Земли), – оскотив своего отца Урана мистическим серпом и тем самым лишив его способности творить живое, взял в жены титаниду Рею и родил от нее Зевса-Юпитера и других детей – богов третьего поколения. Из-за страха потерять власть и силу он проглатывал своих детей и держал в собственной утробе, потому и нарекли его «пожирателем собственных детей»... По иронии судьбы, Кроноса отождествили с Хроносом-Временем, способным поглотить в своем течении то, что им давно или недавно порождено...

Вот и помазанник Божий, наместник Бога на Руси, святой первый русский царь Иван Грозный пожирал вверенных Господом ему подданных, детей – потомков великих русских родов, а под конец своего царствования завершил мистическую трагедию «Кроновых пожираний» в последнем акте действия тем, что, вольно или невольно, оказался причастен к гибели

собственного сына, «пожрав» царевича Ивана... Как тут не отяготиться муками совести?... Как не задуматься о снятии с себя вины и облегчения души?... Ибо все-таки русский человек, тем более князь, государь, воистину совестлив и стыдлив уже по определению, как бы он ни пытался в лихие годы и при лихих обстоятельствах приглушить свои муки совести и приступы стыда...

Русские летописцы на рубеже 1567–1568 годов в разгар террора опричнины надолго замолчали, но о смерти царевича – с ведома или без ведома царя – летописец записал: «Яко от отца своего ярости прията ему болезнь, от болезни же и смерть...» После кончины 19 ноября несчастный царевич Иван Иванович на третий день был погребен в кремлевской усыпальнице московских государей, в церкви Святого Михаила Архангела. Загубленный сын-царевич стал тяжким укором отцу в последние два года его жизни, отмеренные Хроносом-Временем и врагами династии «последних московских Рюриковичей». Как и сына-царевича, Хронос поглотит в своем течении и отца, первого царя Третьего Рима, порожденного им, Хроносом, боговенчанного на царство впервые в русской истории и уничтоженного раньше «отмеренного времени» врагами династии...

После гибели наследника осенью 1581 года государь от горя чуть не лишился последних остатков рассудка, хотя хорошо знающие его и выжившие в терроре опричнины придворные считали, что умом он сильно тронулся еще раньше, с кончины его любимой супруги Анастасии летом 1560 года. Как на похоронах царицы, так и на похоронах царевича царь с отчаянием и безумством раскаявшегося в своих винах и грехах грешника бился головой с пронзительным воплем о гроб и землю.

Через некоторое время после официальной церемонии похорон сына-наследника Грозный собрал бояр на совет и сказал им: «Десница Божья покарала меня, и мне ничего не остается, как кончить дни в одиночестве в монастыре. Мой второй сын Федор не способен управлять государством. Выберите сами достойного государя, я тут же отдам ему мой скипетр».

Только подозрительные бояре хорошо помнили, в какую жестокую смертельную ловушку в 1553 году попали посмевавшие искать самостоятельно царского преемника на престоле, в каких умерли они муках – за многие, старые и новые прегрешения пред Отечеством – по воле не простившего их царя, решившего нынче постричься в монахи. Придворные так жалобно и настойчиво умоляли Грозного не отрекаться от престола – «Никого нам не надо, хотим тебя царем!» – что он в муках души и в крайней усталости вынужден был согласиться остаться на троне.

Помнил царь, что в стране по случаю гибели наследника-царевича был объявлен многодневный траур. Каждый день Грозный присутствовал на поминальной службе, наложив на себя покаяние... Об этом он доверительно рассказал Годунову, вспомнив и дружеские, братские отношения сына Ивана с Борисом, и то, что Годунов во время ссоры царя с сыном, во время царского гнева, разымал их, подставляя под царский посох свои руки. Сначала сильно разгневался царь на вмешавшегося боярина, хотел наказать его, но быстро отошел, даже извинился перед Годуновым за вспыльчивость с видимым удивлением: «Надо же, не испугался против царя пойти в страшной ссоре отца с сыном. Значит, мой Иван тебе близок как друг...» – «Царевич Иван мне не только друг, но и брат мне... Не было у меня братьев... только одна сестра Ирина, что младше меня на семь лет... А твой сын Иван, царь, был мне как младший брат... Иван ведь на два года младше меня...»

Вспомнив этот разговор с Годуновым, Грозный поехал на покаяние в Троицкую обитель, взяв в тайные свидетели перед Господом боярина Бориса. Там царь, втайне от архимандрита и других важных лиц, призвал старика-келаря, заведовавшего кельями и наблюдением за их чистотой и порядком, и, встав перед стариком на колени, положил шесть глубоких поклонов в землю с горькими слезами и отчаянными рыданиями. Он упросил братию, чтобы его погибшему сыну Ивану в Троице была оказана особая честь – поминание «по неделям».

Вспомнил Грозный и о том, как без меры осыпал золотом монастыри, которые еще недавно попрекал лихоимством и богатством. За год до гибели царевича Ивана царь категорически запретил всем монастырям и иерархам-иосифлянам высшего духовенства приобретение любого имущества и богатства, тогда же он с укором написал епископу Казанскому Гермогену: «Священнослужители должны возделывать сердца, а не земли. Их наследством должно быть Царство Небесное, а не деревни и земли. Многие наши епископы думают больше о мирских делах, чем о Церкви...» Но и этого Грозному казалось мало: он послал баснословную сумму по тем временам, десять тысяч рублей, иноземным патриархам Константинопольскому, Антиохийскому, Александрийскому и Иерусалимскому, чтобы они молились за упокой души царевича, когда жестокая судьба практически бесповоротно обрекла династию последних московских Рюриковичей на исчезновение... Годунов был одним из немногих, кто знал детали переписки царя с иноземными патриархами... Не тогда ли у него возникли первые робкие мыслишки об установлении патриаршества в Русском царстве?... Только стоило ли говорить об этом с убитым горем – потерей главного наследника престола – царем в его сумеречном отрешенном состоянии?...

Вот тогда-то перед своим близким концом, в муках совести, Грозный и пошел на один из самых странных и удивительных поступков его царской жизни, несказанно удививший Годунова. «Примириться» со всеми погубленными им, «простить» всех казненных по его приказу людей, чтобы хоть как-то очиститься от тяжких земных грехов и облегчить свою участь на том свете.

Правда, многие недоверчивые придворные, узнав о странном поступке с составлением Синодика царя-грешника, пекущегося о спасении своей души на том свете, посчитали, что тот таким хитроумным способом пытается к тому же облегчить положение на престоле нового наследника «не от мира сего», царевича Федора. Причем, зная о непригодности царевича к жесткому царскому управлению страной, но руководствуясь в то же время трезвым расчетом государевым, Грозный желал помирить царствующую династию с духовенством и боярством.

Тем не менее, не обращая никакого внимания на слухи и домыслы, гулявшие по столице и по всей Руси, царь приказал составить поминальный Синодик опальных – загубленных за время его правления – и велел учредить всем торжественное поминание, обязав монахов молиться за всех казненных им людей «во веки веков». Царева прощения заслужили все его «изменники», имена которых были извлечены Грозным из забвения. «Чин православия», читавшийся обычно в первое воскресенье Великого поста и заключающий в себе провозглашение «вечной памяти» новым ревнителям православия, предполагал также и огромные царские пожертвования. На Церковь и православное духовенство пролился обильный золотой и серебряный дождь: посмертная реабилитация множества опальных, самые имена которых находились долгие годы в забвении и под строгим запретом, явилась актом чудотворной и жертвенной воли царя Грозного...

По его приказу составлялся подробный список «убиенных» во время его правления, копии которого рассылались по всем русским монастырям. А главным составителем Синодика был он сам, Грозный, с пером в руке и при свечах, вызывая одинокими ночами из тьмы забвения забытые тени опальных загубленных и описывая казни. Скоро в помощь жестоко-кропотливому труду государя на пороге смерти – для потомков ли, для очищения собственной совести ли, никому не известно – были призваны ученый дьяк и исповедник. Догадываясь о приближении скорой своей смерти, царь с их помощью воспроизводил события своей жизни со множеством казней, за которые он каялся без какого-либо внешнего принуждения. Такое искреннее внутреннее покаяние вызывало уважение у Годунова. Он поделился своими мыслями с Бельским: «Мучается душой царь. Душа покоя просит, покаявшись». Бельский только равнодушно пожал плечами: «Грешат, чтобы каяться. И каются, чтоб снова грешить».

Впрочем, Грозного мало беспокоила судьба созданных им «Государских книг», «Государевых царевых грамот», руководствуясь приказным списком которых монастырские власти вносили в свои Синодики. У подлинных «Государских книг» такая же темная судьба, независимая от воли человека, их породившего, как и у имени человеческого после смерти его носителя.

Грозный словно предчувствовал, что со временем уцелевшие монастырские выписки Синодиков будут лишь отдаленно напоминать приказной список его «Государской книги», исчезнувшей во времени – поглощенной безжалостным Хроносом. Ни в одном монастыре монахи не скопируют – один к одному! – «Государских книг» с приказными списками только по одной причине: те мало пригодны для поминальных целей, поскольку в них обозначены не христианские имена, а фамилии и прозвища казненных, а зачастую лишь их общее число – чохом... Монахи, боясь царского гнева, будут молиться за казненных, даже нарушая церковное правило, что бессмысленно, так как нельзя помянуть безымянных людей, снабжая молитву обращением к вездесущему Богу-Вседержителю: «Помяни, Господи, столько-то человек, а имена их ты сам, Господи, знаешь».

Грозный прекрасно понимал, что монастырские старцы, выписывая в свои поминальные книги имена опально-казненных, опустят при поминании их фамилии и прозвища, а также различные, не относящиеся к церковной службе и не пригодные для поминания леденящие кровь подробности казней. Да и не знал он, при всей его феноменальной памяти, большинства христианских имен им казненных – за дело или без дела.

В одном был уверен царь на пороге смерти, делясь своими мыслями с Годуновым, – далекие потомки русские никогда до конца не разберутся ни в казнях, ни даже в числе казненных, поскольку баснословное преувеличение жертв всегда вызывает недоверие и неприятие ужасов через их невольное обесмысливание. Прервав на значительный срок русских летописцев, Грозный догадывался, что скудность русских летописей затруднит критику баснословных сказаний бежавших на запад изменников, Андрея Курбского и прочих, а также осведомленных иностранцев. Тот же первый русский «диссидент», изменник Курбский, сбежав по зову короля Августа в Литву и воюя на его стороне с Грозным, пытался привлечь к себе внимание Запада быстрыми планами сокрушения тирании «варварской Московии», обвинив тирана в леденящих душу преступлениях.

Так уж случится в русской истории, что источниками об ужасе казней правления Грозного послужат сказания князя Курбского, рассказы иностранцев и Синодики. Новейшие исследователи эпохи царя Грозного, сведя все эти три источника вместе, придут к ужасающим, невероятным количествам казней и потому, как следствие, явно обесмысленным результатам. Грозный словно предчувствовал, что при переходе от его приказных списков «государских книг» к монастырским Синодикам произойдет то, что никому и никогда не будет доставать полной уверенности в истинности числа опально-загубленных. Знамо дело, что изменник Курбский, как и любой другой изменник, всегда будет пристрастен, из иностранцев абсолютное большинство писало по слухам и домыслам, а насколько верно составлены Синодики фантазерами-монахами, потомки не узнают никогда, как не узнают также и того, все ли записанные в них лица были казнены, а не умерли в ссылке, дома в своей постели. Более того, Грозный, задавшись идеей поминальных Синодиков своих жертв, заранее знал, что смутит своих будущих историков многими парадоксальными сведениями монастырских Синодиков – баснословными через фантазии монахов и задумку кающегося царя Третьего Рима – и все это для установления истины потребует дотошной ревизии и проверки, что, в конце концов, при сильнейшем сопротивлении материала, подвигнет к раскрытию обжигающих, жгучих тайн русской истории.

«Старого не бьют, мертвого не кают, сам лучше кайся, а за старое не принимайся... – вспоминал Грозный в беседе с Годуновым присказки своего народа, выводя большими буквами

на пергаменте фамилии опально-убиенных и всматриваясь в цифры, припоминая отдаленные временем лица и судьбы. – ...Согрешающих видим, а о кающихся Бог весть... Давидски согрешаем, да не давидски каемся... От всех грехов не откаешься...»

Не стеснялся своих слез царь перед ближним боярином Годуновым, который был другом и как бы старшим братом его сына-наследника Ивана. И текли старицкие слезы по щекам царя, смотрящего то на Годунова, то на слова своего огромного покаянного труда «государского» и представляющего, как его «государские книги», прежде чем стать поминальными Синодиками, в сопровождении огромных царских пожертвований отправляются во все монастыри ближние и дальние, где будут «из века в век» молиться об усопших. «Вспомни, Господи, о душах слуг твоих новгородских числом пять тысяч сто семь... Двадцать человек села Коломенское... Вспомни об умерших верных христианах числом восемьдесят четыре и еще о троих, которые скончались после того, как им отрубили руки... Отделано: Ивана Петровича Федорова; на Москве отделаны Михаил Колычев да три сына его; по городам – князя Андрея Катырева, князя Федора Троекурова, Михаила Лыкова с племянником... В Бежецком Верху отделано Ивановых людей 65 человек да 12 человек, скончавшихся ручным усечением...»

Рядом с некоторыми именами загубленных следует короткая приписка: «вместе с женой», «с сыновьями», «с дочерьми», «с женой и детьми». Страшное раздражение памятливого царя вызывало иногда сомнение – вдруг он не вспомнил и не вспомнит все и всех, кого-то еще позабыл... Вся надежда на удивительную память да на Господа Бога, который обязан все же вести свои списки в небесной канцелярии, и потому поможет заполнить пропуски в «государевой книге» и Синодиках... И время от времени Грозный обращался с мольбой к Господу: «Прости меня грешного и беспамятного, Боже... Ты наверняка вспомнишь их имена. Только Ты один знаешь их...»

Краткий приказной список Синодика был разослан царем уже через год после смерти царевича Ивана, в 1582 году, подробный список – в 1583 году, за год до смерти самого кающегося властителя... Только по делу главного династического противника Грозного, его двоюродного брата Андрея Старицкого, в 1568–1570 годах было казнено более трех тысяч ста человек, записанных в Синодиках... В списке, предназначенном для Свято-Успенского монастыря в Свяжске, упоминались монахиня Евдокия (княгиня Ефросинья Старицкая, мать Владимира), монахиня Мария (сестра Владимира Старицкого); они были утоплены в Белозерске, как когда-то Дмитрий-царевич, которому отказалась присягать княгиня Ефросинья и подбивала с сыном на то многих бояр и князей... В другом списке жертв опричнины ближе – три тысячи семьсот пятьдесят...

«Прощение» опально-убиенных, «примирение» раскаявшегося царя Грозного со своими жертвами стало особой формой гарантии, что опал, гонений и казней в последний год жизни уже не будет... Не об избииении своих верных или неверных подданных думал царь, а о спасении собственной души грешной... Потому и не приняты никем всерьез измышления современника, немецкого пастора Пауля Одеборга, сообщившего, что даже в последние месяцы правления Грозного возобновились массовые казни: «Иоанн осудил на смерть 2300 воинов, которые в Полоцке и в других крепостях сдались неприятелю. По заключении мира... велел их всех казнить или ввергнуть в ужасную темницу». Если уж в Синодиках раскаявшегося царя при желании легко запутаться и отдалиться от истинного количества его жертв, то что взять с баснословий корыстных иностранных хронистов, совсем не ставящих своей целью жизни обелить русского самодержца, врага их нации, по определению...

Борис Годунов втягивал голову в плечи, мысленно повторяя покаянные записи Грозного – а память у боярина была крепкая, объемная и без осечек извлечения нужных данных, не хуже царской, – и думал отрешенно и жестоко: «Как надо царствовать, чтобы не каяться и не плакать, как каются и плачут природные цари?... Как надо царствовать, чтобы не каяться и не плакать неприродным царям в Русском царстве?»

Глава 2

Зимой 1584 года в небе над Москвой появилась комета с крестообразным оперением – вечная предвестница гибели кесарей-императоров. Эту комету Грозный и Годунов увидели одновременно между колокольной Ивана Великого и собором Благовещенья, когда царя, закутанного в меха, вынесли на красное крыльцо в сопровождении его ближнего боярина. Царь задумался и понял, что должен скоро умереть – но когда и как?... Грозный долго смотрел в холодном прозрачном воздухе на комету, предвестницу гибели, изменился в лице и тихо сказал окружающим:

– Вот знамение моей смерти...

Он внимательно посмотрел на Годунова и на своих лекарей – те, потупившись, молчали и не отговаривали царя в его напрасных подозрениях о неминуемой скорой кончине, сами ведь все уши прожужжали Грозному о «разложении его крови» и «разрушении внутренностей».

Годунов хотел успокоить царя, но не нашел в голове нужных слов утешения. Утешение беспокойного царя надо бы было найти в сердце, душе, но сердце боярина билось ровно и спокойно, а его почему-то обрадовало странное ледяное равнодушие. «Кто-то видит в знаменнии признак своей смерти, а мне не страшно почему-то, ибо я в свои 32 года так далек от смерти, рано мне умирать... И ни к чему. И многое надо еще сотворить в своей жизни, что не сотворил... Но сотворю, если случится смерть природного царя... Сам же желает смерть накликасть... И накличет после зловещего природного знаменния природный царь – из последних московских Рюриковичей...» Такие мысли пробежали в голове Годунова, он побледнел, потом почернел лицом и отошел от суетящихся перед царем лекарей, лепечущих свои утешения и советы – успокоиться и не принимать все близко к царскому сердцу.

К этому времени появления зловещей кометы тело царя распухло, кожа отходила кло-чьями, волосы лезли прядями, от плоти исходило смрадное зловоние, которое нельзя было заглушить никакими мазями и притираниями, от гниения внутри, опухоли снаружи. Грозный почему-то был равнодушен к бесполезным усилиям колдующих над ним лекарей после того как, покаявшись, он позаботился о составлении Синодиков ради поминовения всех опально-убиенных. С синклитом своих придворных лекарей во главе с известным фламандским врачом Эйлафом Грозный даже шутить себе позволял – не над собой, а над болящей и смердящей плотью:

– Плоть царя трупом смердит, зато душа его парит...

Годунов морщился, слыша многократно эту царскую шутку, и отвечал своей ответной боярской прибауткой, только мысленно: «А у тридцатилетнего боярина плоть не смердит. А душа парит, потому что ей весело, что на свету, что в сумерках». Годунов знал, что царь страшится наступления сумерек, где его обступают призраки, среди которых он почти всегда видит своего сына Ивана... Иногда он, поднявшись с постели, звал призрака загубленного сына, шел за призраком, беседуя, а то и споря в голос с ним, словно продолжая старый роковой спор в Александровской слободе – только уже в пустом зале дворца... Потерявшего сознание царя приводили в чувство, относили в постель... Иногда он отказывался ложиться, призывал священников, велел звонить в колокола и служить молебен – он знал, что скоро умрет, но все же цеплялся за жизнь... Зачем?... Ему надо было сделать что-то важное не только в последние дни жизни, но и перед самой смертью...

В предчувствии конца, уже после рассылки всем монастырям богатых царских пожертвований, Грозный отправил свою слезную покаянную грамоту в далекий северный Кирилло-Белозерский монастырь к инокам-старцам:

«В великую и пречистую обитель, святым и преподобным инокам, священникам, дьяконам, старцам соборным, служебникам, клирошанам, лежням и по кельям всему братству. Пре-

подобию ног ваших касаюсь, князь великий Иван Васильевич челом бьет, молясь, чтобы вы пожаловали, о моем окаянстве соборно и по кельям молили Бога и Пречистую Богородицу, чтобы Господь Бог и Пречистая Богородица ради святых молитв моему окаянству отпущение грехов даровали, от настоящей смертной болезни освободили и здравие дали. И в чем мы перед вами виноваты, в том бы вы нас пожаловали, простили, а вы в чем перед нами виноваты, и вас во всем Бог простит».

Вскоре царь разослал покаянные письма во все русские монастыри: «Всем святым и славным обителям! Всем благочестивым и смиренным инокам! Великий царь Иван Васильевич низко вам кланяется и припадает к вашим ногам, в надежде получить прощение всем его грехам. Молитесь соборно и в уединении в своих кельях, чтобы Всевышний и Богородица простили ему злодейства, исцелили его душевно и телесно».

Годунов читал все эти покаянные грамоты царя с холодным равнодушием к прихотям больного природного царя. Кающийся Грозный, когда писал о своей «смертной болезни» в преддверии близкого конца, все же истово верил в заступничество за своего государя богомольцев, что святые иноки-старцы отмолят у Господа его окаянство, даруют отпущение грехов и помогут исцелить его душевно и телесно... Но и другими надеждами и мечтами был жив сильно смердящий государь, у которого всех его жен извели изверги-отравители, начиная с самой первой и самой любимой Анастасии...

Об изведенных отравленных своих женах плакался царь Годунову и Бельскому:

– Всех моих женушек отравили изверги рода человеческого...

Те помалкивали, только черствели лицом и сердцем в своих тайных мыслях: «Нашел, кому жаловаться по поводу своих отравленных жен, несчастный...»

Отойдя от царя, Бельский выговаривал Годунову:

– Сам висит на нитке, а жалуется о жен убытке... Однако к английской королеве не прочь посвататься...

– Не прочь... – морщился Годунов. – Жених завидный для многих стран и весей, если в него не вглядываться пристально...

– А только переписываться... – подхватывал шутку боярина Бельский. – Сил для похоти и деторождения много у царя московского даже при его плачевном состоянии... Детишек настругать – дело не хитрое...

– Не хитрое, – угрюмо соглашался Годунов, с горечью думая, что, к сожалению, у него пока нет сына-наследника, одна дочка-кроха Ксения, пора задуматься о сыне. – Только стругать детей надо вовремя...

– Твой совет Нагих расстроит... Сына Дмитрия от шестого или даже седьмого по счету брака царя церковь не признает за наследника царя...

– Это так, – хмуро подтвердил Годунов, – природному царю надо вовремя детей рожать... Природных престолонаследников после третьего брака у природных царей не бывает...

– Ты о Дмитрие, сыне царя и Марии Нагой? – Бельский, не услышав подтверждения на заданный вопрос, заключил: – С Федором все ясно... А как быть в случае брака царя с королевой?... Рождается в Англии наследник – и... Впрочем, все это было давно и неправда... Это я о царе и королеве Александре...

Уже после рассылки «государских книг» для Синодиков с огромными пожертвованиями монастырям Грозный, чувствуя усиливающееся нездоровье и непосильное властное бремя, возобновил секретные переговоры с англичанами, которые сейчас вели втайне от Думы Бельский и Годунов. Во-первых, прозондирование почвы, как породниться престолом, в начале 1570-х ни к чему не привело. «Тайное дело великого значения» для Москвы и Лондона не вышло, предложение о браке тактично было отклонено королевой. Проговаривалась устно посланниками Грозного возможность политического убежища, и то на не приемлемых для Москвы условиях. Ныне же, через почти полтора десятка лет, вопрос убежища и лечения царя

в Туманном Альбионе был снова заострен. В принципе, английская сторона подтвердила, что в Лондоне к услугам московского царя будут самые искусные в мире врачи с редчайшими лекарствами, о которых на Руси и не слыхивали. Кроме того, в Англии Грозный мечтал найти покой и отдохновение от тяжких и хлопотных дел самодержца-властителя. На 20 февраля 1584 года царь назначил прощальную аудиенцию английскому послу Боусу, на которой собирался раскрыть все свои карты с отъездом в Лондон на лечение.

Но царский прием английского посла пришлось отложить на неопределенное время из-за приступа болезни Грозного. Примерно тогда же боярская Дума распорядилась задержать в Можайске и литовского посла, ввиду аналогичных причин, объяснив задержку, как и полагалось в таких случаях, усилившимся недугом государевым: «По грехам государь учинился болен...»

К этому времени в Москве уже были собраны около 60 финнов и лопарей из Лапландии, языческих знахарей-колдунов, кудесников и астрологов... С момента появления над Москвой зловещей кометы Грозный велел послать гонцов в Лапландию, где финские племена хранили языческую веру и славились как искусные прорицатели, чтобы разыскать самых лучших предсказателей человеческой судьбы. Кудесников-финнов доставили к любимцам царя, Борису Годунову и Богдану Бельскому, те с ними долго и обстоятельно говорили на предмет жизни и смерти государя, пророчеств на ближайшую перспективу и отдаленное время.

Честолюбивый фаворит царя Богдан Бельский, «досужливый по всяким государевым делам», в течение последних 13 лет пользовался милостями Грозного, который поручал ему почти все важнейшие дела не только во внутреннем управлении, но и по внешним сношениям и почти всюду появлялся в сопровождении Бельского. В 1572 году Грозный составил духовное завещание на старшего сына, царевича Ивана, после его смерти завещание было переписано в пользу Федора. Вот Грозный и назначил своего главного душеприказчика Бельского членом регентского совета, составленного в помощь сыну-престолонаследнику, слабому душой и телом Федору, и состоящего из пяти персон. Кроме фаворита царя Богдана Бельского, в совет вошли брат покойной царицы Анастасии, Никита Романович Юрьев, герой недавней обороны Пскова Иван Петрович Шуйский, многолетний думский глава Иван Федорович Мстиславский, последним в регентский совет был введен и боярин Борис Федорович Годунов...

Астрологи-прорицатели предсказали царю, что он обречен, более того, даже его неминуемую мгновенную смерть, через несколько дней после пророчества, а именно – 18 марта. Назвали даже час «легкой смерти» на исходе дня. Годунов и Бельский не осмелились сообщить царю о гибельном предсказании, но Грозный, узнав о неслыханной дерзости ведунов, пришел в бешенство. Велел молчать и Годунову, и Бельскому, а астрологов-прорицателей пригрозил сечь всех скопом на костре, если те будут болтливы и нескромны.

Откуда было знать государю, что его смерть предсказали не только языческие ведуны, но и папский посол Антонио Пассевино, дискутировавший с Грозным в Москве о вере и крестовом походе христиан против неверных турок всего через несколько месяцев после смерти царевича Ивана. Пассевино доложил римскому папе и Венецианской Сеньории, что, судя по всему, «этот государь проживет не очень долго...». И действительно, тяжело больной отец пережил тяжело больного сына всего на два года... Причем симптомы болезни и дряхлости сына и отца, о которых знал Пассевино, были подозрительно одинаковы: длительный многолетний период «болезненности», с характерным для отравления ртутью распуханием и гниением тела, отслоением кожи, выпадением волос, проблемами опорно-двигательного аппарата, а на последнем этапе – поражением почек, других внутренних органов.

В отличие от русского летописца, туманно написавшего об истинных причинах смерти царевича, иезуит Пассевино, прибывший в Москву через три месяца после похорон царевича, детально описал сцену ярости отца и гибели сына со слов одного итальянца-толмача, находившегося во время ссоры в Александровской слободе, где царская семья проводила осень.

Ссора отца с сыном произошла из-за Елены Шереметевой, третьей по счету супруги царевича. Грозный застал беременную сноху Елену в одной нижней рубашке на лавке в жарко натопленной комнате. По царевым понятиям, соответствовавшим тогдашним общепринятым, женщина считалась прилично одетой только тогда, когда на ней было никак не меньше трех, а то и семи рубашек. Следовательно, сноха вполне могла привидеться царю совсем раздетой и соблазнительной, как похотливая ведьма. Грозный пришел в ярость от вида снохи и без какой-либо жалости к беременной в безумной ярости отколотил ее посохом.

Возможно, главной причиной, а не поводом для расправы с несчастной «раздетой» женщиной было то, что Грозный не желал иметь внука, будущего наследника престола, от Елены Шереметевой – «изменнический род» Шереметевых был противен. Царевич же выбрал себе третью жену самостоятельно, не спрашивая отца, после того как Грозный заточил в монастырь первых двух жен его, Евдокию Сабурову и Петрову-Соловую, которых сам когда-то выбирал для сына... У избиваемой свекром Елены, от страха ли, от побоев ли, случился выкидыш – она не доносила мальчика...

Вышедший на шум и крик Елены царевич Иван вступился за избиваемую беременную жену, попытался схватить отца за руки, остановить его – но куда там... В порыве гнева отец прибил и сына, тяжело ранил его посохом в голову у виска... От полученной раны царевич и умер... Так описал сцену избиения снохи и убийства сына-царевича Грозным иезуит Пассевино со слов итальянца-толмача, слышавшего какие-то пересуды и домыслы непосредственно в Александровской слободе... Только насколько они были верны?... Рассказ иезуита Пассевино, легший в основу версий об убийстве Грозным сына Ивана, был подхвачен рядом зарубежных (англичанин Джером Горсей, поляк Гейденштейн, итальянец Гальявини, голландец Масса) и отечественных современников, включивших в сцену избиения царевича боярина Годунова, который пытался вмешаться, но сам был якобы изранен посохом царя... Заслуживает внимания факт, что после гибели царевича Грозный вскоре отдалил от себя Бориса Годунова, чего нельзя сказать о его старом любимце Богдане Бельском... Но потом все же простил Годунова и даже высказал восхищение его поступком «защиты друга и брата».

Псковский летописец на основании тех же слухов, что питали его современника Пассевино, отбросив многие душераздирающие подробности гибели царевича, написал лапидарно и по существу: «Говорят, что сына своего, царевича Ивана, за то царь поколол жезлом, что тот стал говорить ему об обязанности выручать Псков (от Батория)». Подобными же слухами о главной причине ссоры отца и сына и убийстве царевича питались многие иностранные хронисты и историки-писатели.

По свидетельству же иезуита Пассевино, описавшего реальную смерть сына и предвосхитившего за два года скорую смерть отца, психическое и телесное состояние царя было ужасным. Убийца сына был в отчаянии, вскакивал по ночам и кричал, а собрав бояр, объявил, что не хочет больше царствовать. И еще царь в слезах вопил: поскольку оставшийся новый престолонаследник царевич Федор не способен править государством, то пусть придворные вельможи подумают, кто из бояр достоин занять престол царский. Бояре же, по словам иезуита, опасаясь хитрости царя, объявили, что они не хотят на престоле никого, кроме сына царского, и упрашивали самого Иоанна не покидать правления...

Самое поразительное, что «главный исторический свидетель» убийства царевича Ивана иезуит Пассевино заявлял о скорой смерти Грозного за два года до его смерти, именно тогда, когда тот прилагал все усилия посвататься к одной из родственниц королевы Елизаветы – Марии Гастингс, – чтобы найти спасение и подлечиться в Англии.

Еще в разгар опричнины Грозный задумал в случае боярского мятежа искать спасения в Англии, где высоко ставили имя царя за содействие англо-русским торговым купеческим сношениям. Главный царский лейб-медик того времени Елисей Бомелий первым подал ему мысль насчет сватовства.

Бомелий, известный при московском дворе под именем «дохтура Елисея», был родом из Голландии или Вестфалии, изучал медицину в Кембридже, великолепно владел астрологией и тайными оккультными знаниями, за что лондонский архиепископ даже отправил его в тюрьму за чернокнижие. После скитальчеств по Европе Бомелия из Англии забрал с собой посол Грозного, зная о тайной любви царя к магам, колдунам, астрологам, особенно после таинственной мистической смерти царицы Анастасии. Бомелий, прибывши в Москву, быстро нашел доступ к сердцу царя, который сделал его не только своим личным врачом, но и предсказателем, изготовителем ядов и защитником от ядов. Заметив в царе подозрительность к окружению, он старался поддержать в Грозном это болезненное расположение духа и своими наветами и ядами погубил много знатных бояр и простого народа. В 1571 году – начале новой эпохи казней – Бомелий предложил царю истреблять лиходеев ядом и умудрился составлять зелье с таким искусством, что отравляемый умирал в назначенное царем время. Но, будучи уличен в предательских сношениях с польским королем Стефаном Баторием, бывший царский любимчик и советчик Бомелий по повелению Грозного был всенародно сожжен на костре в Москве. Правда, до царя уже после гибели царевича Ивана дошли слухи, что, губя людей наветами, Бомелий и сам погиб от навета.

Вдова Бомелия, англичанка по происхождению и подданная ее величества, по просьбе королевы Елизаветы была отпущена на свою историческую родину, правда, уже после смерти царя.

Грозный начал часто, подолгу и мучительно болеть с середины 1560-х годов, а в 1569 году был раскрыт новый серьезный заговор против царской семьи Владимира Старицкого, попытавшегося с помощью одного из подкупленных поваров извести всю царскую семью. Вместе с царем стал жаловаться на здоровье и болезненный царевич Иван, ставший рано задумываться о смерти: в возрасте 16 лет он пожаловал вклад в 1000 рублей в Кирилло-Белозерский монастырь с условием, что после смерти его будут там поминать и что он при подорванном здоровье может там постричься. В то же время умерла и вторая жена Грозного Мария Темрюковна, и он считал, что ее тоже отравили враги династии, как раньше его дочерей, царицу Анастасию, матушку Елену Глинскую...

Подозрительность Грозного об отравлении членов его царского семейства поддерживал не кто иной, как Бомелий, которого из-за личной безмерной преданности царь никогда не унижал подозрениями насчет себя и своего семейства... Только впоследствии и третья жена Грозного Марфа Васильевна умерла от таинственных причин злокозненного отравления, и напишет царь прошение на имя Священного Собора с просьбой разрешить ему четвертый брак: «... И тако ей отраву злую учиниша... толико быша... царица Марфа две недели и преставися, понеже девства не разрешил третьего брака». На Руси многие жалели царя, что быстро отдадут Богу душу его жены, а злые языки твердили, что недаром во дворце «дохтур Елисей» развернулся, готовя яды, чтобы избавлять царя не только от отравленного династического противника Владимира Старицкого с семейством, но и от самих царевых жен... Правда такова, что срок дворцовой службы «дохтура Елисея Бомелия» – от момента его появления в Москве до сожжения по навету – был ограничен, а царское семейство травили и до него и после... Это был Рок и заговор против династии – последних московских Рюриковичей на престоле жестоко и целенаправленно уничтожали ядами...

А неугомный и деятельный Грозный, зная об отравлении многих, почти что всех ближайших родственников, старался все же избежать пагубного вдовства для его пылкой природы, поскольку как истинный христианин верил, что только в браке он может избежать грехов блуда и прелюбодейства... Другое дело, что не всегда умел избегать, но всегда верил в таинство брака и его панацею от греховности... Только какие-то тайные силы, зная страстную природу русского царя, ловко и систематично отбирали у него жен... Всех отобрали, или есть такие, кто умер своей смертью?...

После скоропостижной смерти третьей жены Грозного, Марфы Собакиной, дочери новгородского купца, им был заключен четвертый брак – против всех церковных правил – с Анной Колтовской, коломенской дворянкой, как и Марфа. Сам царь мучился от незаконности четвертого и последующих браков, потому с легкостью отправил в монастырь и Анну, и пятую жену, Анну Васильчикову. Шестой брак Грозного со вдовой Василисой Мелентьевой тоже был недолгим – вдова также скоропостижно умерла...

Последняя, седьмая, свадьба Грозного с Марией Нагой, дочерью боярина Федора Нагого и сестрой всеильного последнего временщика Афанасия Нагого, была нарочито, с глубоким смыслом сыграна не по царскому чину, но с церковным венчанием. По иронии судьбы, царевич, сын-последыш Грозного и его седьмой (пятой венчанной) жены Марии Федоровны Нагой, родился 19 октября 1581 года, ровно за месяц до гибели царевича Ивана. И дитя этого седьмого брака, царевич Дмитрий Иванович, «третий несчастливец» в династии московских Рюриковичей с подобным именем, считался по церковным правилам незаконнорожденным... Только Грозному, кающемуся после гибели наследника престола Ивана, никто не смел сказать об этом вслух, тем более что царем, несмотря на нездоровье, снова овладела мысль жениться на знатной англичанке из королевского семейства и отъехать в Англию, внушенная когда-то сожженным Бомелием...

В глазах 52-летнего Грозного седьмой брак с юной Марией Нагой, не принимаемый церковью, не мог служить помехой для нового заморского сватовства, поторапливаемого не только желанием поправить пошатнувшееся здоровье жениха, но и военно-политическими причинами. В августе 1582 года царь снарядил в Англию к королеве Елизавете своего посла, дворянина Федора Писемского, с наказом договориться о союзе Руси с Англией против Речи Посполитой короля Стефана Батория и начать дело о сватовстве царя к родственнице королевы, Марии Гастингс.

Посол Писемский дал такое разъяснение английскому двору по поводу того, что его государь женат на момент нового сватовства: «Государь наш по многим государствам посылал, чтоб по себе приискать невесту, да не случилось. И государь взял за себя в своем государстве боярскую дочь не по себе. И если королевина племянница дородна и такого великого дела достойна, то государь наш, свою отставя, сговорит за королевину племянницу».

Династический брак Грозного с английской принцессой должен был поднять престиж царя и династии московских Рюриковичей, подорванный недавним поражением Москвы в войнах с Польшей и Швецией, и, кроме того, облегчить заключение военного союза Руси с Англией. Грозный, дав задание своему послу расспросить, чем владеет семья Гастингс и будет ли его будущая жена наследницей удельного княжества, надеялся в случае своего вынужденного отъезда в Англию получить вместе с рукой принцессы ее удельное княжество для себя и даже слабого душой и телом престолонаследника Федора... Выходит, совсем не собирался умирать дряхлеющий от тайных болезней царь, даже, наоборот, планировал будущий военный и брачный союз...

Наконец в мае 1583 года Писемскому показали «царскую невесту» Марию Гастингс в саду на открытом месте, чтобы посол мог рассказать о ней царю. «30-летняя принцесса Мария, – доносил в своем послании Писемский, – ростом высока, тонка, лицом бела, глаза у нее серые, волосы русые, нос прямой, пальцы на руках тонкие и долгие...»

Увидевши Писемского после смотра принцессы, королева сказала ему: «Думаю, что ваш государь племянницы моей не полюбит, да и тебе, я думаю, она не понравилась». Посол отвечал с достоинством, как учил царь, и по своему разумению: «Мне показалось, что твоя племянница красива – а ведь дело это становится судом Божиим...»

Окончив дела сватовства, Писемский ту же отправился в Москву с грамотами королевы царю, Елизавета, желая лично видеть Грозного, писала ему: «Наша воля и хотенье, чтоб все

наши царства и области всегда были для тебя сотворены; ты приедешь к своему истинному приятелю и сестре...»

Вместе с Писемским отправился в Москву английский посол Боус, который принял на себя весьма сложное королевское поручение. Он должен был добиться, чтобы английские купцы получили право исключительной и беспошлинной торговли с русскими купцами, и в то же время должен был отклонить военный союз Елизаветы с Иваном против его врагов и брачный союз царя и принцессы. В переговорах с боярами Боус неловко пытался откеститься от военного союза, давая понять, что этот союз пока бессмыслен и не принесет никакой пользы для Англии, лучше помирить царских врагов с царем... Когда дело дошло до вопроса сватовства и брака, на прямой вопрос Грозного, согласна ли королева Елизавета выдать за него племянницу Марию, Боус неожиданно ответил: «Племянница королевы княжна Мария по грехам больна, болезнь в ней великая, да думаю, что и от веры своей она не откажется: вера ведь одна христианская...»

Слово за слово, и оказалось, что племянница Мария по родству от королевы Елизаветы дальше всех ее других десяти племянниц, да и лицо Марии было испорчено оспой, чего не увидел или не захотел увидеть посол Писемский. В ответ царь объявил, что не может согласиться на прошение королевы об исключительной торговле, он даст англичанам известные пристанища, но на Печору и Обь англичан за соболями и кречетами не пустит...

В беседе с английским послом Грозный выразил все же твердое намерение послать новое посольство и сосватать себе другую родственницу королевы – «без оспы» на лице и поближе родством «с сестрой Елизаветой». Более того, он даже вышел за рамки куртуазной дипломатической беседы, надменно пообещав Боусу:

– Если сестра Елизавета не пришлет со следующим посольством своей близкой племянницы, по ее усмотрению, то я сам соберусь и поеду в Англию, забрав всю свою казну, и там женюсь на ее родственнице... Какая мне будет по сердцу, из тех, что к королеве по родству поближе...

Боус сообразил, что увлечение Грозного сватовством к английскому двору не подлежит теперь никакому сомнению, как и то, что он не прочь переселиться и лечиться в Англии, если решил отплыть в Лондон со всей своей казной, для чего бы потребовался не один большой корабль... С Боусом, перед его отъездом к себе в Лондон, оставалось согласовать последние детали далекого путешествия, но назначенная на 20 февраля 1584 года встреча посла и царя была отложена из-за болезни последнего...

Когда Грозный царь почувствовал облегчение после приема горячих ванн, то, помня о предсказании астрологов насчет его смерти после полудня 18 марта, он продиктовал предсмертное поручение Борису Годунову: «Егда же Великий Государь последнего напутия сподобится, пречистаго тела и крови Господа, тогда во свидетельство представляя духовника своего Архимандрита Феодосия, слез очи свои наполнив, глаголя Борису Феодоровичу: тебе приказываю душу свою и сына своего Феодора Ивановича и дочь свою Ирину...» Также царь завещал младшему своему сыну Дмитрию Углич со всеми своими уездами. После объявления своим душеприказчиком Бориса Федоровича Годунова он вызвался в присутствии боярина сыграть партию в шахматы со своим любимцем Богданом Бельским. Царь еще не верил предсказаниям ведунов-астрологов о своей смерти во второй половине дня 18 марта 1584 года, ближе к сумеркам, возможно, предполагая поставить шах и мат несильному шахматисту, но хорошо знающему свое дело распределителю лекарств и ядов для своего любимого государя. Годунов молчаливо взирал на затянувшуюся последнюю партию царя и процесс отравления ядами из рук коварного любимца.

Смерть царя Ивана Грозного была выгодна многим. Не только боярину Годунову с его родичем Бельским, но и боярским партиям Романова Никиты, Шуйского Ивана, думского

главы Мстиславского Ивана, а также внешним противникам царства, желающим ослабления и даже падения Москвы...

Когда Годунов и Бельский с «царского крыльца» объявили московскому народу о скоропостижной смерти царя Ивана Грозного, в толпе послышался ропот и недоумение, и тут же родились первые слухи, что «царя отравили». Причем не просто отравили неизвестные отравители, наоборот, «царю дали отраву самые ближние люди», с намеком на главу лекарей Бельского и некогда ответственного за столование кравчего-боярина Годунова.

Многие летописцы XVI и XVII веков подтвердили версию о заговоре против царя и его насильственной смерти, воистину «царю дали отраву ближние люди». По летописному свидетельству высокопоставленного дьяка Ивана Тимофеева, по прозвищу «Кол», именно Годунов и Бельский «преждевременно прекратили жизнь царя». Голландский дипломат и купец Исаак Масса уверенно описал сам процесс отравления царя, в котором шахматист Бельский положил яд в приготовленное заранее царское лекарство. Английский дипломат Джером Горсей также написал о заговоре Годунова и Бельского против царя и дополнил версию отравления ядом последующим удушением Грозного: «По-видимому, царю дали сначала яд, а затем в суматохе, поднявшейся после того, как он внезапно упал, для верности еще и придушили». Польский историк-писатель Казимир Валишевский писал: «Богдан Бельский со своими советниками извел царя Ивана Васильевича, а ныне хочет бояр побитии и хочет подыскать под царем Федором Ивановичем царства Московскому своему советнику (Годунову)». О причастности к смерти царя Годунова писал и француз Делаویل, а также коронный польский гетман Жолкевский: «Годунов лишил жизни царя Ивана, подкупив врача, который лечил Ивана, ибо дело было таково, что, если бы он его не предупредил (не опередил), то и сам был бы казнен со многими другими знатными вельможами».

Версия убийства и отравления царя Ивана Грозного оставалась всего одной из главных гипотез даже после вскрытия царских гробниц в 1963 году и обнаружения в останках царя повышенного содержания ртути и мышьяка. В новом цикле работ по исследованию останков Ивана Грозного на стыке веков и миллениумов главный археолог Кремля Т. Панова с исследователем Е. Александровской сделали новые выводы, согласно которым допустимая норма мышьяка у Ивана Грозного была превышена более чем в два раза, а ртути – в тридцать раз.

По их мнению, царь отравлялся смесью из ртути и мышьяка в течение какого-то времени. Хроническое отравление ртутью, сулемой – «жидким серебром» приводит к патологии меркуриализма, когда расшатывается нервная система, с психическим возбуждением, тревожностью, мнительностью, искажением болезненного физического облика и с выпадением волос. Многие современники царя оставили воспоминания для историков, включая Татищева и Карамзина: «В сие время он так изменился, что нельзя было узнать его: на лице изображалась мрачная свирепость, все черты исказились, взор угас, на голове и в бороде не осталось почти ни одного волоса...»

Если за «эталон» смертельной концентрации мышьяка и ртути признать 0.13 и 0.26 мг на 100 г массы соответственно, то у царя Ивана Грозного наблюдается превышение эталона по мышьяку и ртути (0.15 и 1.3), из чего можно заключить следующее. «Лекарь» Бельский, с ведома Годунова, отравляя («леча») длительное время царя ртутью, в знаковый день 18 марта 1584 года резко увеличил концентрацию мышьяка в смеси отравы, что привело к смерти царя.

Борис Годунов в день объявления народу о преждевременной кончине Грозного был необычайно мрачен и потрясен свалившимся с небес на Русское государство великим горем, которое он готов был разделить вместе со всем народом. Тогда с заплаканным, почерневшим от горя лицом он почему-то меньше всего думал о своем личном взлете с приходом в обозримой перспективе на царский престол новой династии Годуновых – по воле Русского Провидения. В слезном тумане он видел нежное личико своей полуторагодовалой дочери Ксении и лицо еще не рожденного крохотного сынишки, и внутренний голос подсказывал ему нечто таин-

ственно-исповедальное: «Любимых детей ты обязан иметь и учить господним законам жизни, а через детей сам должен учиться по сказанному от Самого Господа Бога: „Аще не будете, яко дети, не ввидете в Царствие Небесное“».

Глава 3

Чуть ли не на другой день после кончины государя по Москве пошли гулять слухи: «Богдан Бельский, что свирепей своего родича, первого опричника Малюты Скуратова, со своими советниками извел царя Ивана Васильевича, а ныне хочет вслед за царем знатных бояр побить». Основания для подобных слухов были более чем весомыми, ведь народ нового царя Федора Ивановича называл не иначе как «Блаженным», недаром хилому умом и плотью 26-летнему властителю в помощь государственного правления были поставлены пять регентов из назначенного почившим Иваном Васильевичем регентского совета, как вокруг «блаженного младенца». Ясное дело, что все регенты при «Блаженном Федоре» просто обязаны были быстро перессориться, как перессорились подобные им регенты при маленьком царевиче Иване Васильевиче и его матери Елене Глинской. Причем откровенным зачинщиком раздора выступал тот, кто считал, что сила и двор на его стороне, а таким просто обязан быть «отравитель царя» в глазах народа Богдан Бельский. Именно он, как «двойник первого опричника», его родича Малюты Скуратова, мог рассчитывать на поддержку московского двора и даже земского дворянства. На какое-то время, при молчаливом непротивлении Годунова, власть в Кремле и части Москвы перешла к Бельскому. Но земские дворяне, на которых он рассчитывал, отказались подчиняться временщику. Это не остановило Бельского, с опорой на кремлевское «дворовое» войско он попытался уговорить царя-наследника Федора Блаженного возродить опричнину, рассчитывая таким образом распустить регентский совет и править страной единолично или, на худой конец, вдвоем с Блаженным или с Годуновым.

Попытка дворцового переворота в апреле 1584 года стала первым серьезным испытанием для Годунова, настало время определяться: с кем он? против кого? или сам по себе?

Возбужденные опасными слухами, что Богдан Бельский, отравив царя Ивана Васильевича, намерен отравить и умертвить его сына-наследника Федора Ивановича и возвести на престол своего друга и советника Годунова, москвичи с «великой силой» подошли к Кремлю. Тайными виновниками запущенных слухов и «клевет», похожих на правду, москвичи считали партию князей Шуйских, а их действующими смертоносными орудиями – рязанских дворян Ляпуновых, Кикиных и других возмутителей народа. Около двадцати тысяч вооруженных людей из боярских и дворянских детей, служивых граждан и московской черни пошли на приступ кремлевских ворот, которые своевременным приказом сметливого Годунова едва-едва успели затворить перед носом бунтовщиков.

Годунову, собравшему для защиты Кремля отряд стрельцов, верные ему люди сообщили, что мятежники разгромили все лавки, овладели в Китай-городе арсеналом с тяжелыми снарядами и нацелили пушки на Флоровские ворота, чтобы несколькими выстрелами разбить их и вломиться в неприступный Кремль.

Мрачный Годунов, не теряя благородства лица с заострившимися скулами, твердым и спокойным голосом рассказал о бунте под стенами Кремля и попытался вывести из ступора Федора, застывшего с блаженной улыбкой на лице у окон и поминутно спрашивающего: «Что происходит?... Чего кричат?... Что там?... Чего они шумят, чего хотят?...»

Малорослый, дряблый телом, бледный, как полотно, Федор жалко и беспомощно улыбался, но без живости и значения улыбки, нетвердо переступал с ноги на ногу, демонстрируя, скорее, не испуг перед мятежниками, а преждевременное изнеможение сил, без всякого желания сопротивляться обстоятельствам. Годунов знал, что следующей равнодушной фразой Федора Блаженного будет: «На все воля божья, пусть будет так, как будет угодно Господу», посему попытался вразумить того и прогнать с его лица улыбку постника и печальника.

– Радости мало, государь, у взбунтовавшейся черни пушки. Они готовы стрелять по Флоровским воротам.

- Зачем?
- Чтобы разбить их вдребезги и ворваться в Кремль для беседы с глазу на глаз.
- С кем?
- Да с кем придется – под горячую руку... Хоть с тобой, государь...
- Чего хотят эти бунтовщики? Ты знаешь, Борис, что они хотят?
- Неважно, что они хотят. Важно, что ты хочешь, государь.
- А что я хочу, Борис?

– Это правильный вопрос, государь... Сейчас ты узнаешь, что ты хочешь. Вон думские бояре во главе с Иваном Мстиславским и Никитой Романовичем. Я твоим именем, государь, собрал думу для совета, как поступать с мятежниками... – С этими словами Годунов обозначил на своем лице с заостренными чертами подобие улыбки. – ...Как отбояриться от незваной опасности черни с их пушками под кремлевскими воротами...

Годунов именем государя выслал к мятежникам под стенами Кремля целую делегацию – с главой Думы Мстиславским, дьяками Андреем и Василием Щелкановыми, – чтобы спросить, что виною мятежа и чего хотят бунтовщики?

Со стен кремлевских он слышал ответ мятежной черни: «Бельского требуем! Выдайте нам злодея Бельского, который замыслил извести царский корень и все рода боярские».

– Хорошо, мы сами с государем решим, как поступить с Бельским, наказать или миловать того, – ответил Мстиславский. – Еще чего хотите от Думы и государя, чтобы вы спокойно разошлись по домам?

И большая часть народа кричала: «Выдайте нам Никиту Романовича!» Мстиславский знал, что московский народ был расположен к этому именитому думскому боярину, ярому противнику Годунова и Бельского, и страшился, что те могут после смерти Ивана Грозного во время междуцарствия извести лидера «партии Романовых», ибо по причине своей добродетели он, по мнению москвичей, имел много врагов и недругов во дворе.

После Годунов расспросил своих верных людей, что в толпе кричали про него и сестру, и узнал, что только наиболее ретивая часть мятежников связывала имена Бельского и Годунова вместе, и это были клеветы партии Шуйских. Люди партии Романовых в мятеже не проявили себя, но подбивали толпу спасти своего боярина Никиту Романовича. В толпе царя Федора и царицу Ирину жалели и хотели защищать «всем миром» от злодея-опричника Бельского. Еще узнал Годунов со злорадной внутренней усмешкой, что во время мятежа Бельский вел себя недостойно, даже искал своей безопасности в государевой спальне.

«Значит, опричнине не бывать, – спокойно и трезво подумал Годунов. – Недаром же часть разгоряченной толпы требовала расправы над худородными опричниками Грозного, некогда союзниками и единомышленниками, до поры до времени. Вот Бельский своей тягой к старым опричным порядкам и решил свою судьбу. Знать, мало в народе сторонников опричных порядков».

Годунов легко отрекся от Бельского, предложил государю и двору удалить того из Москвы. Порешили отправить Богдана Бельского воеводой в Нижний Новгород. Когда народу было объявлено, что государь высылает Бельского из Москвы и отправляет того воеводствовать в Нижнем Новгороде, мятежники со «спокойным сердцем» и с восклицаниями: «Да здравствует царь с верными ему боярами!» – мирно разошлись по своим домам.

В тревожные апрельские дни после мятежа черни на первые роли при возбужденном дворе Федора Ивановича выдвинулся лидер партии Романовых Никита Романович Юрьев. Об этом написал, доверившись сведениям своих московских агентов и своим личным наблюдениям, английский посол Боус, выехавший из Москвы 12 мая: «Когда я выехал из встревоженной Москвы, боярин Никита Романович и дьяк Андрей Щелканов считали себя „царями“ и потому так назывались многими людьми... Сын покойного царя и те советники, которые

достойны были управлять, уже не имеют никакой власти». Под «достойными людьми» посол подразумевал, прежде всего, боярина Бориса Годунова.

Но уже через несколько дней обстановка начала меняться. По мере того как утихали страсти московского мятежа, Годунов, пользуясь поддержкой двора и влиянием на Федора, забрал власть в свои руки, оттеснив боярина Никиту Романовича. Вовремя осознав, что народ против возрождения опричных порядков, с узурпацией власти бывшими опричниками из гнезда Малюты Скуратова, Годунов усилил свои властные позиции политическими маневрами. Он убедил слабовольного Федора значительно расширить состав боярской Думы и обновить приказы. За несколько месяцев Дума увеличилась вдвое, причем половина бояр-думцев принадлежала к партии Годунова, что резко усилило позиции конюшего Бориса Федоровича. Став конюшим с легкой руки государя, он возглавил ключевой земский приказ, продвинув своих близких родичей Годуновых: Степан Васильевич возглавил Посольский приказ, Иван Васильевич – Стрелецкий приказ, а Григорий Васильевич стал дворецким. В смене воевод во многих крупных городах также угадывалась властная рука царского шурина, расширяющего и усиливающего позиции «партии Годунова».

Без лишнего шума Годуновым и его людьми было осуществлено наказание дворян Ляпуновых и Кикиных и других возмутителей московской черни на апрельский мятеж «против злодея Бельского», считай, против дуэта худородных опричников Годунова – Бельского. Мятежников выслали в дальние волости и надолго заключили в темницы. Народ безмолвствовал, славя правосудие законного «природного царя», готовясь к венчанию на царство Федора Ивановича Блаженного, отложенному ради шестинедельного общенародного моления об усопшем венценосце Иване Васильевиче до 31 мая 1584 года.

С целью благоденствия царства от знаковой вехи венчания Блаженного, по наущению боярской Думы, с лидерством там годуновской партии, двухлетнего царевича Дмитрия, вдовствующую царицу Марию Нагую, ее отца и всех братьев Нагих отослали в город Углич, дав большой семье «царскую службу», многих стольников, стряпчих и стрельцов для охраны. Современники с душевной радостью отмечали, что 24 мая, за неделю до своего венчания, государь Федор Иванович с блаженной улыбкой на устах и слезами на глазах прощался со своим братом Дмитрием, «как бы невольно исполняя государев долг, болезненный для доброго и нежного сердца постника и печальника».

Глава 4

В ночь перед венчанием на московский престол Годунов не сомкнул глаз. При том, что душа просила покоя, его мучила бессонница. Именно при жестокой бессоннице, когда еще не забрезжил рассвет, он почуял приближение к Москве страшной бури, как предзнаменование грядущих бедствий и напастей...

«К чему бы это, – молнией промелькнула у него в мозгу шальная мысль. – Кому и чему угроза? Царству? Царю? Какому царю – нынешнему или грядущему?... Природному или избранному перстом Божиим?... Так ведь пока никого не избрали... И выберут ли?... Значит, природному, но блаженному, пока настоящего избранного перстом Божиим нет еще на московском престоле... Буря... Гроза... Нет царя Грозы, Грозного царя, тому гроза была в помощь, а Блаженному она во вред, наверное...»

А на рассвете в Москве уже бушевала гроза, страшный ливень затопил столичные улицы и площади. Кремлевская площадь перед храмом Успенья тоже была затоплена. Но вскоре буря отлетела, гроза миновала, и вот уже солнце воссияло на очищающемся небосклоне.

«Все проходит, все пройдет, – вздохнул Годунов с затаенной улыбкой в уголках глаз, видя несметные толпы горожан перед Успенским собором. – А ведь большинство горожан буря не напугала. Русский народ не из пугливых, но зато из богобоязненных. Глядишь, один только я из-за своей бессонницы почувствовал опасность природного знамения». В царевом дворце Годунов был молчалив и сосредоточен на своих думах.

– Чего, племяш, так мрачен, – спросил с заметным удивлением Бориса его дядя Дмитрий Иванович, – когда вроде есть повод для радости? Или конюшие сами себе на уме во время всеобщего народного ликования?

– Бессонница замучила, – неприветливо буркнул Борис Федорович. Он хотел сначала ответить, что, мол, во время бессонницы его посетили мысли о судьбе царства русского при обрушенных на него природных стихиях, но не стал этого делать. Незачем пока. Ограничился вопросом: – Сам-то как?

– Да грех жаловаться, – лукаво улыбнулся дядя. – Пожалуешься на здоровье, и свое здоровое место упустишь, больное получишь.

– Не упустишь, – твердо пообещал ему Борис. – Поедешь наместником в Великий Новгород. Только не сразу, как только здесь во дворе после венчания Федора все успокоится и рассосется.

– Есть какие опасения из-за козней Шуйских? – жестко ощерился Дмитрий Иванович. – Не понравилось, что трех Годуновых, внучатых племянников твоей сестры, ты провел боярами в Думу?

Годунов нервно зевнул, показывая дяде, что он еще во власти бессонницы, не стал отвечать насчет Шуйских. В конце концов, дядька должен был быть наслышан об изменившемся раскладе в боярской Думе. Сегодня именем венчанного царя Федор Блаженный должен наименовать боярами Андрея и Василия Шуйских, двух Куракиных, Шереметева, Шестунова, Хворостинина, Трубецкого. Только все равно расклад в Думе будет в пользу Годуновых и их союзников.

Прогнав зевоту и твердо глядя в глаза дяде, он сурово проговорил:

– Мое влияние на Федора и наш расклад в Думе обеспечат тебе место в Великом Новгороде. Но не торопи меня и сам не суетись. Поспешность нужна только при ловле блох.

– И все же не затягивай с местом, племяш. Место новгородское того стоит, не блошиное место. Сам знаешь, соседи у меня ушлые на Псковской земле. Сорока мне на хвосте принесла одну новость и пропела в ухо, мол, князю Ивану Шуйскому все доходы Пскова, им спасенного, сегодня после венчания пожалуют.

– Так и ты отличишься, когда наместником станешь, глядишь, и тебе все доходы Великого Новгорода отойдут.

– При нынешнем царе Блаженном все это вряд ли случится... А вот при новом царе, избранном боярами и земством с духовенством, я не прочь и Конюшенный приказ возглавить... Я ведь вижу, что тебе тоскливо конюшим быть при нашем Блаженном.

– Ну, будя, наместник скорый и конюший будущий, нечего волну гнать без ветра попутного, – резко осадил дядю Борис.

Пора было выходить к народу с государем вместе с первыми людьми государства, боярами, князьями, знатными воеводами и чиновниками.

Удивительная тишь провожала Федора Блаженного со смиренным взором, в одежде небесного цвета, идущего сквозь несметные толпы своих подданных от царских покоев до храма Успенья, на золотых куполах которого после отлетевшей грозовой бури сияло и отражалось солнце.

Во время торжественного царского молебна духовные сановники и окольные ходили по храму и тихо подсказывали молящемуся народу: «Благоговейте и молитесь за своего любимого государя». Митрополит Дионисий и государь сели у западных ворот на приготовленные для них места, и Федор Иванович среди всеобщего безмолвия обратился с тронной речью к владыке. Многих в храме поразили слезы, стоящие в горле только недавно улыбчивого царя. Народ замер и настроился на душевную волну Блаженного царя, принимающего царство от царя Грозного: «...Родитель наш, приняв ангельский образ, отошел на Царствие небесное, а меня благословил державою... Велел мне помазаться и венчаться царским венцом... И так по воле божьей и благословению отца моего соверши обряд священный, владыка, да буду царь и помазанник!»

Митрополит Дионисий отвечал: «...Данной нам благодатью от святого духа помазуем и венчаем усопшего Грозного царя тебя, да именуешься ты самодержцем...» – и возложил на царя животворящий крест Мономахов, бармы и венец ему на голову с молением: «Да благословит Господь твое правление...» Потом Федор Блаженный, имея вид утомленного отрока, слушал литургию, с правой стороны, как самый ближний царский вельможа, стоял Борис Годунов, дядя Федора, Никита Романович Юрьев, князь Иван Петрович Шуйский с другими боярами... И здесь произошло одно странное и знаменательное событие, которое произвело неизгладимое впечатление на всех присутствующих, особенно на стоящих рядом с Борисом Федоровичем лидеров боярских партий Никиту Романовича и Ивана Петровича. Утомившийся от процедуры венчания на самой заключительной ее стадии царь Федор Иванович отдал с безмятежной улыбкой свой знак верховной государевой власти – тяжелую золотую державу – своему шурину Борису Федоровичу. Тот оторопел, но взял державу и держал ее под насмешливыми взглядами бояр, как бы язвительно спрашивающих конюшего: «Не рано ли ты покусился на державу?»

Между тем супруга Федора, Ирина Годунова, окруженная боярынями, сидела в короне под растворенным окном своей палаты и была приветствуема восклицаниями народной толпы: «Да здравствует наша царица!» В этот знаменательный день венчания Федором Блаженным, по совету Ирины и Бориса Годунова (которому были пожалованны, кроме чина конюшего, титулы «ближнего великого боярина» и наместника Казанского и Астраханского царства), на помин души усопшего царя Грозного и во здравие царицы было отправлено тысяча золотых рублей милостыни патриарху Константинопольскому, 900 рублей Иерусалимскому патриарху, другим главам православных церквей...

А в апреле 1586 года скоропостижно скончался Никита Романович Юрьев, глава партии Романовых... К тому времени Годуновы и Шуйские достигли некой принципиальной дого-

воренности о разделе сфер влияния и союзе против общих врагов и недругов. В результате этих договоренностей был отстранен от дел и пострижен на Белом озере старый глава Думы Иван Мстиславский, занявший место отца в Думе, его сын Федор попал под влияние партии Годуновых и потерял свое влияние, на которое еще надеялась партия Романовых. Из членов бывшего регентского совета при неопытном Федоре Блаженном, нынешнем легитимном венчанном царе, на политической сцене остались лидер партии Шуйских, прославленный военачальник Иван Петрович Годунов, и царский шурин Борис Федорович, лидер партии Годуновых. Годунов еще при живом Никите Романовиче пытался договориться с Иваном Шуйским «начать дружить против партии Романовых», ибо знал, насколько военачальник, герой Пскова, пользуется великим расположением московских дворян, купцов, горожан и черни. Умный и хитрый Годунов догадывался, как бывает дорог люду во время государственных неудач и военных поражений успешный военачальник, своим подвигом поддержавший народную честь, когда другие только ее теряли или, затаившись, бездействовали, как те же Романовы.

Но «дружбы против Романовых» из-за смерти их лидера не вышло, как казалось со стороны, для князя Ивана Шуйского не составит труда одолеть «коварного и непопулярного у черни» Годунова, если бы псковский герой оперся на чернь и горожан. А такой сценарий мог бы быть воплощен в жизнь в начале лета 1584 года, когда был кем-то был запущен слух в недрах московской черни, что к скоропостижной смерти Никиты Романовича приложили руки люди из партии Годуновых, разумеется, с ведома самого хитромудрого Бориса Федоровича. Снова чернь была подбита на мятеж, только уже не против «Бельского и Годунова», а против «всех Годуновых с их главой». Как записали тогда летописцы: многие московские жители «восхотеша Бориса со всеми сродницы без милости побитии камнями». Крупный мятеж против «властителя» Годунова при безвольном царе Блаженном захватил все слои московского народа только потому, что якобы на его сторону удалось привлечь Ивана Шуйского с возглавляемой им партией.

Тогда по наущению царицы Ирины в первую очередь и ее блаженного супруга во вторую очередь митрополит Дионисий выступил посредником. Он вызвал Бориса Годунова и Шуйских к себе, призывая и умоляя их помириться, ведь надо было хоть как-то убрать московских мятежников.

После долгой паузы, выдержанной Шуйскими, Иван Петрович поморщился и выдохнул из себя спасительный совет митрополиту:

– А мы с Борисом Федоровичем и не ругались... Скажи, владыка Дионисий, об этом разгоряченному московскому народу, авось поверит народ и разойдется...

Годунов посмотрел на втянувшего голову в плечи митрополита и, поняв, что совет геройского военачальника «не в коня корм», спокойно парировал:

– А слабо самому, князь, сказать об этом московскому народу, мол, нет ссоры между Шуйскими и Годуновыми... – Годунов бесстрашно поглядел Ивану Шуйскому в глаза. – Или чего из ряда вон выходящего боишься? За спину митрополита мне выгоднее спрятаться, а не тебе, князь... Мне говорить народу боязно, что между Шуйскими и Годуновыми пробежала черная кошка...

Годунов слышал гул толпы, собравшейся у Грановитой палаты, и не ждал ничего хорошего от собрания торговых людей, хорошо еще, что без оружия. Прознали торговые люди, что знатные бояре у Дионисия, вот и шумят, слышать ничего не желают о замирении Шуйских и Годуновых у митрополита.

Шуйский задумался, перекинулся недобрый взглядом с Годуновым и сыновьями и высил свой голос:

– Иван Шуйский никогда ничего и никого не боялся...

Через несколько минут Иван Петрович вышел на крыльцо и объявил мятежным торговым людям, что они, Шуйские, с конюшим Борисом Федоровичем Годуновым помирились. Выждал долгую паузу, разглядывая встревоженные лица мятежных торговых людей, и спросил:

– Есть вопросы по замирению Годуновых и Шуйских, люди добрые торгового звания?

Вышли тогда из толпы два купца-смельчака и сказали, глядя прямо и честно славному военачальнику Шуйскому:

– Помирились вы нашими головами...

– И вам, Шуйским, от первого «великого боярина» пропасть скорая, да и нам в ней погибнуть придется...

Шуйский почесал затылок и примирительно бросил смелым купцам словцо одобрительное:

– И за то спасибо, что не забоялись свои сомнения в замирении высказать... А чему быть, того не миновать... Слепой сказал: посмотрим...

Он внимательно посмотрел на напряженного Годунова, взглядом показывая, что хочет что-то примирительное услышать и от конюшего и «великого боярина». Но тот отмолчался.

Многие летописцы и поздние историки посчитали и полагали, что партия Шуйских могла бы воспользоваться удобным благоприятным моментом для расправы над Борисом Федоровичем и всей партией Годуновых только по одной знаковой причине. Не Шуйские выступали зачинщиками вспыхнувших волнений и опасного мятежа народа, причем мятежники ждали поддержки Шуйских, в первую очередь героя Пскова Ивана Петровича Шуйского. Однако острый вопрос, кому был выгоден мятеж против Годуновых, что это за сила, способная поднять московских купцов против царского шурина, требует прямого ответа. Ведь любимцем московских торговых людей раньше был почивший ныне Никита Романович Юрьев. А кто теперь? Та же партия Романовых выступила против партии Годуновых с их лидером Борисом Федоровичем. А во главе партии Романовых встал сын умершего Никиты Романовича, еще более боевой и амбициозный боярин Федор Никитич Романов... Именно поэтому Шуйские не поддержали антигодуновский мятеж начала лета 1586 года – по корыстной причине: в случае успеха мятежников партия Романовых выходила на первые роли в царстве Русском. А зачем партии Шуйских нужно, чтобы другая могущественная партия Романовых, с их не менее хитрым лидером Федором Романовым, получала весомые преимущества якобы от изгнания Годуновых с политического Олимпа, отстранения Бориса Годунова от царя Блаженного с его царицей Ириной?...

Глава 5

Не желающие усиления партии Романовых, Шуйские решили «без Романовых» отстранить от власти набиравшего политическую силу Бориса Федоровича Годунова и вытеснить на задворки возглавляемую им партию Годуновых. Пользуясь поддержкой своего ставленника епископа Крутицкого Варлаама и «управляемого» митрополита Дионисия, Шуйские решили развести царя Федора Ивановича с его якобы бесплодной супругой, царицей Ириной Годуновой. Митрополит Дионисий, по наущению епископа Варлаама, составил слезную челобитную на имя венчанного им на царство Федора Блаженного, чтобы тот «чадородия ради второй брак принял, а первую свою супругу-царицу отпустил в иноческий чин». Митрополит, написав челобитную, имел с царем тайную для Годуновых встречу, на которой напомнил Федору Ивановичу, что еще раньше покойный его батюшка изволил сильно печалиться и беспокоиться по поводу бесплодия его сына Федора, особенно после трагической смерти старшего сына Ивана. Тогда церковь не настаивала на разводе Федора с женой, надеясь, что время все расставит по своим местам, и божьей милостью Ирина Годунова разрешится бременем и подарит престолу наследника-царевича...

Годунов старался хоть что-то сделать для своей сестры. Зная, что у нее было уже много выкидышей на разной стадии беременности, через сношения с английским двором он выписал в Москву английского специалиста по женским болезням и акушерству... Видя перед собой зримые примеры часто болевшего Федора и любимой сестры, не испытывающей счастья материнства, Годунов пытался подстраховаться, ибо смерть царя или царицы были равносильны для него политической смерти, падением в бездну небытия. Тайно от Думы, посвятив только своего дядю Дмитрия, Борис вступил в опасные сношения с правительством Священной Римской империи и предложил, в случае смерти Федора Блаженного, заключить брак между вдовой-сестрой и австрийским принцем. Но об этой интриге каким-то образом узнали «разведчики» из партии Шуйских, бояре доложили царю, тот был взбешен. Только сестра Ирина как-то смягчила гнев супруга, грозившего публично поколотить шурина посохом. Годунов все равно готовился к самому худшему: тайно сносился с англичанами насчет возможного политического убежища, на всякий случай, если дело примет самый плохой, необратимый оборот. При этом пошел на беспрецедентный показушный шаг «замаливания своих грехов»: пожаловал Сергиевой лавре 1000 рублей золотом, чем привел в изумление не только владык Дионисия и Варлаама, но и скуповатого на подношения церкви Ивана Петровича Шуйского. Возможно, этот отчаянный жест искреннего «жертвования» давал Годунову живительные силы для дипломатического разговора с владыками и Шуйскими, настаивающими на беспрекословном разводе его любимой сестры Ирины...

Митрополит и епископ, выполняя наказ Шуйских развести царя и царицу, чтобы ослабить партию Годунова, били в самое больное место царя. Федор Блаженный безумно любил свою супругу, не мог жить без нее, существование без обожаемой с юных лет Ирины не имело для Федора никакого смысла. Откуда было слабавольному, не сильному умом Федору знать, что Шуйские через Дионисия и Варлаама «стреляли дуплетом»: глядишь, за ушедшей в монастырь Ириной и Федор Блаженный подается за ней по проторенной иноческой тропе. Царский престол пуст, а свято место пусто не бывает – и Шуйские на троне! Они найдут, кого двинуть туда, Ивана или более молодого Василия Шуйского...

К тому же знали Шуйские и особое расположение царя к святым отцам церкви Дионисию и Варлааму, даром, что ли, Федор, утомленный светским великолепием и мишурой земного царства, искал душевного покоя и отдохновения в набожности и молитвах, когда часто смиренным богомольцем-молитвенником совершал пешие паломничества в далекие монастыри и Сергиеву лавру. Причем иногда брал с собой супругу Ирину, провожаемую свитой из знат-

нейших боярынь и полком особенных телохранителей царицы. И не догадывался недалекий Федор, что царицу охраняют государевы люди сильнее самого царя, а пышность выхода царицы в свет и в обители должны вселить в богобоязненный русский народ уважение к великой царице Ирине и ее великому роду Годуновых...

Умный и предусмотрительный Борис Годунов, узнав о челобитной митрополита Дионисия, сразу же оценил огромную опасность для сестры и себя лично. Ирина легко могла повторить судьбу первой супруги государя Василия III, Соломонии Сабуровой, к тому же дальней родственницы Бориса и Ирины Годуновых. «Бесплодную Соломонию» с помощью боярских интриг отправили в Суздальскую обитель. И никто не вспоминает сейчас, что многие святые отцы были тогда на стороне Соломонии, а не на стороне государя...

Прознал Борис Федорович, как упертые бояре Иван и Петр Шуйские, в желании сместить Годунова, подбивали митрополита на авантюру с челобитной царю, организовали «земский сход» из московского и окрестного купечества и дворянства на предмет развода царя с бесплодной царицей. При обеспечении развода царя под давлением земцев, заменив Ирину Годунову Ириной Мстиславской, Шуйские лишали возможности Бориса Годунова влиять на царя посредством брачно-семейных уз. Тогда царем безвольным можно было манипулировать давлением бояр партии Шуйских: сила солону ломит... Но Шуйские недооценили потенциал интригана Годунова и верность царя своей обожаемой супруге. Федор Блаженный готов был защищать Ирину и свое семейное счастье до последнего, даже без науськивания своего шурина и «легкомысленных земцев» против Шуйских. Если, еще будучи юным царевичем, Федор нашел в себе силы перечить воле своего батюшки, царя Грозного, требующего развода с «бесплодной» супругой, то Шуйские с челобитной митрополита Дионисия были царю не «божий указ».

А интриги конюшего-шурина Бориса оказались, кстати, в помощь богобоязненному постнику и молитвеннику Федору Блаженному. Для победы над партией Шуйских Годунов заручился поддержкой партии Романовых. Как-никак, он был просвещенным властителем и знал лозунг великих интриганов прошлого: «Разделяй и властвуй». Годунов убедил выступить против развода царицы Ирины с царем сыновей почившего Никиты Романовича, Федора и Александра, вместе с их родней, Сицким и Троекуровым. Недавно партия Шуйских помешала партии Романовых одолеть временщика-конюшего Годунова, теперь же партия Романовых помогала сорвать планы партии Шуйских из «суздальских Рюриковичей».

Но провал затеи Шуйских через земство скovyрнуть первого боярина и шурина царя, уничтожить партию Годуновых не слишком радовал Бориса Федоровича. Еще бы, надо будет отвечать мстительными репрессиями, пускай не поголовно, выборочно, купеческого люда, пошедшего за Шуйскими, да и многих родичей Ивана Петровича придется допрашивать и высылать «провинившихся» куда подальше. Не до репрессий с выборочными казнями и ссылками было Годунову, надо было утверждать безопасность государства – внутреннюю и внешнюю. А еще заниматься многими хозяйственными делами в государстве, устранять наследство запустения, доставшееся от опричнины Грозного его венчанному на царство сыну Блаженному.

Ведь знали и Шуйские, и Романовы, что партия Годуновых с их харизматичным лидером – это государственники, пекущиеся о судьбе Русского царства, расширяющегося на восток, в земли сибирские и забайкальские. Ан нет, все равно Шуйские и Романовы вставляли палки в колеса Годуновым – им, видно, тоже хотелось порулить государственным механизмом, да и обогатиться при успешном или каком-то полезном и роду, и стране управлении.

При безвольном царе Блаженном, которого ученые иноземцы величали с подачи противников Годунова не иначе, как «Durak», не догадываясь об истинном значении этого слова, Борису Федоровичу приходилось напрягаться в государственном обустройстве не за двоих-троих, а за сотни и тысячи. Все же постник-келейник Блаженный, следуя наущениям люби-

мой царицы, недаром отдал бразды правления Московским царством своему шурина, веря в его властный талант движителя и организатора государственного порядка и развития. Верил царь Блаженный и в большой дипломатический талант шурина, чтобы без лишних потрясений обеспечивать внутреннюю и внешнюю безопасность государства с приближением счастливых времен народной жизни.

Не собирался царь Блаженный, как его властный шурина, великий боярин Думы, менять худых проворовавшихся наместников, воевод и судей в близких и дальних землях его царства на избранных и «лучших». Когда бояре и князья из других партий, противников Годунова, через духовника царя митрополита Дионисия доносили до ушей царя, что Годунов не «лучших» возводит на «теплые места» – вон своего престарелого дядю Дмитрия Годунова провел в наместники Великого Новгорода – царь отвечал с блаженной улыбкой: «На то воля Божья для спокойствия в царстве».

Вряд ли было интересно царю, как его хозяйственный и дипломатичный шурина борется с лихоимством на местах, где Годунов не только сурово наказывал чиновников и грозил им казнями за лихо и ложь, но и удвоил успешным и деятельным воеводам и дьякам жалование, чтобы те могли пристойно жить, отдаваясь полностью службе государевой. И войско Годунов укрепил, для обеспечения чести русского оружия и безопасности граждан. А бунты в беспокойных землях черемисских и на берегах Волги устранял не через большое кровопролитие силой оружия, а больше с помощью тонкой дипломатии, переговоров ради замирения и спокойствия в землях Отечества. Тогда же Годунов задумал и велел строить многие крепости и города на лугах и возвышенностях вдоль Волги. В Москве стали строить первый в городе кремлевский водопровод. Много хозяйственных новаций, с заселением пустующих земель деятельным русским народом, задумал Годунов для водворения тишины и покоя вместо лиха и бедствия...

«Успеть бы все, что задумал», – думал он в царицыных покоях. Ирина была живительным светом в окошке для Бориса Федоровича. Они с сестрой могли просто молчать, взяв друг друга за руки, чувствуя рядом добрую родную душу и теплое дыхание родного существа.

Борис был несказанно рад странной игре Провидения. Когда-то он устроил брак сестры-красавицы с малорослым кривоногим царевичем-уродцем Федором ради укрепления собственного положения при дворе царя Грозного. Но случилось чудо – царевич влюбился в Ирину, искренне и глубоко ценил свое семейное счастье, которым был обязан не только ангелам-хранителям супругов, но и деятельному шурина, обожавшему свою сестру.

Борис ни у кого не спрашивал советов, даже у своего дяди-постельничего, а у сестры изредка спрашивал, посидев наедине какое-то время в ее обществе, сжимая ее теплые ладони в своих руках. Вот и сейчас он хотел услышать нежный голос Ирины, получить ее совет: как быть с мятежниками? Знамо дело, надобно наказать многих земцев, купцов из партии Шуйских... Не миловать же всех причастных к мятежу и ждать следующего бунта «из-за бесплодия царицы»... Дионисия-митрополита, выступившего на стороне партии Шуйских, тоже менять надо... Легко обозвать «божьим делом» людские интрижки, дела суетные и корыстные боярские, которые обтяпываются всуе, да именем Господа прикрываются...

«Эх, люди, грешные и смешные, в рясах и без ряс, с крестом и без креста, совестливые и бессовестные... Неужели среди людей жить и по-волчьи выть?... И озираться, и клыков бояться?... – думал Годунов, сжимая ладони сестры. – А ведь надо гнать взашей Дионисия. Не успокоится тот, будет вновь талдычить о бесплодии царицы. Кого ставить на митрополичий стол?... Конечно, архиепископа Иова... Вот спрошу на этот счет сестру... Пусть попросит нового митрополита Иова помолиться Господу Богу о чадородии царицы... Не мне же умолять того...»

Он усмехнулся своим тайным мыслям, вспомнив, как его дядя Дмитрий познакомил его, совсем юного отрока, с игуменом Старицкого Успенского монастыря. Пригодится Годуновым этот архимандрит, вещал тогда дядя Дмитрий племяннику Борису. Так как Старица

была одним из центров опричнины, постельничему царя Дмитрию ничего не стоило обратить внимания Ивана Грозного на грамотного, обученного благочинию и страху божьему игумена Иова, в результате чего тот сначала был избран настоятелем Старицкой обители в сане архимандрита, а в 1571 году переведен из Старицы в Москву, сначала в Симонов монастырь архимандритом, а в 1575 году – архимандритом царского Новоспасского монастыря. А дальше уже не дядя Дмитрий, а племянник Борис Годунов содействовал продвижению Иова в епископы Коломенские и назначению архиепископом Ростовским в 1586 году.

«Не ездила сестра в Коломну и Ростов с просьбой отомолить владыке Иову ее способность к чадородию, а теперь придется царице в ножки броситься к новому митрополиту уже в Москве, чтобы зачать дитя и разродиться бременем. Только надо и постнику-молитвеннику супругу Федору, надеясь на божью помощь при зачатии, самому не плошать... Да и мне пора подумать о зачатии сына-наследника... Пусть молится митрополит Федор за чадородие царицы Ирины и супруги конюшего Марии...»

Ирина, словно уловив ход мыслей любимого брата, нежно, немного лукаво улыбнулась доброй девичьей улыбкой, освободила свои ладони из рук Бориса и, протянув чашу с морсом брату, сказала нежным, журчащим голосом:

– Выпей царского клюквенного морса, сокол мой ясный. Тревожные были у тебя думы, Борис. А потом тревога испарилась незаметно как-то, по твоим глазам спокойным это вижу и сердцем чувствую...

– Я скоро помогу владыке Иову взойти на митрополичий стол...

– А владыка Дионисий?

– Стою его. Больно Шуйских слушал, потакал им, требующим твоего развода с царем...

– Знаю, Федор мне говорил об этом. Он отказался разводиться... Он меня крепко любит...

– Этого мало, Ирина. Как изберут владыку Иова митрополитом, пойдешь к нему на исповедь и попросишь его молиться за царя с царицей, чтобы Господь помог их чадородию...

– Непременно пойду к владыке Иову и попрошу молиться за нас всех...

– И царю, всем известному постнику и молитвеннику, намекни нежно, что тому надо надеяться не только на божью помощь для чадородия царицы, но и почаще исполнять свои обязанности царя-супруга...

– Намекну, Борис... И митрополита упрошу молиться за нас, и сама буду молиться... Скажи, опасность боярская и земская миновала?...

– Еще не миновала... Придется наказывать мятежников... даже казнить придется, сестра, чтобы другим бунтовщикам неповадно было царицу обвинять в бесплодии и гнать в монастырь, как нашу родственницу Соломонию... Толща зла боярская и земская страшит меня... С Шуйским кое-как справился... Так ведь придется скоро с Романовыми биться... Вот такие качели, сестрица, то с теми, то с другими... Всем им хочется властвовать в государстве, богатеть, чтобы богачи из их партий богатели, а все остальные беднели, особенно бедный народ пуще прежнего беднел...

– Только будь помягче, брат, с наказаниями бунтовщиков, постарайся обойтись без казней...

– Нельзя без наказаний, да и без казней нельзя, сестра, потому что без страха Божьего инок – не инок и народ – не народ... Народ должен быть богобоязненным, уважающим царя с царицей, первых властителей государства...

Скоро Ирина Годунова узнала дворцовые новости: были казнены шестеро купцов-бунтовщиков, поддержавших интригу Шуйских и вмешавшихся в дело о разводе царя и царицы. Многие Шуйские были отправлены в ссылку. Разного вида наказаниям, по жесточе и помягче, были подвергнуты многие дворяне и торговые люди. Митрополит Дионисий и епископ Кру-

тицкий Варлаам, пытаясь как-то смягчить репрессии Годунова, попытались «открыть глаза» Федору Ивановичу на неслыханные злодеяния его конюшего и первого великого боярина.

Только нерадивые заступники Дионисий и Варлаам, по словам летописца, «видя изгнание бояр и видя многие убийства и кровопролития, начавши обличать Годунова перед царем», сами подверглись опале, были лишены сана и сосланы в Хутынский монастырь в октябре 1586 года. Через год Дионисий умрет в этом монастыре, где он в молодости был игуменом. Из ссылки целым и невредимым вернется домой из всех Шуйских помилованный Годуновым в знаковом 1591 году Василий Иванович Шуйский, будущий «боярский царь», который закончит жизнь в польском плену. Князя Андрея Шуйского одни верные люди Годунова удавили в Каргополе. Другие его верные люди схватили князя-героя Ивана Петровича Шуйского и отвезли знатного пленника на Белое озеро, где замучили «огнем и дымом» сырых подожженных дров. Еще один князь-герой, отличившийся в битве при Молодах 1572 года, Михаил Воротынский, принял такую же мученическую смерть от «благодарных соотечественников» из резко усилившейся боярской партии Годуновых.

При прямом и непосредственном содействии Годунова его ближайший сподвижник владыка Иов собором епископов в конце 1586 года был возведен в митрополиты Московские. Не тогда ли у Годунова отточилась идея его взлета: стать первым избранным народом «не природным» царем, с благословения первого в русской истории патриарха. Ведь умный и деятельный Борис Годунов хотел служить Руси до введения патриаршества и после него, до своего восшествия на царский престол и на царском престоле.

Глава 6

Долгое время русская православная церковь продолжала тешиться тем, что во главе ее стоит митрополит – из множества митрополитов в православном мире, – а наверху иерархической лестницы возвышались фигуры великих патриархов: Константинопольского, Александрийского, Иерусалимского и Антиохийского. Рождение идеи «русского патриарха» на московском столе произошло сразу же после падения Константинополя, а развитие этой идеи происходило по мере усиления Османской империи, когда, по факту, все патриархи стали жить и осуществлять требы на ее расширившейся территории. Но и Русское царство заметно расширилось после падения Константинополя и «стояния на Угре» 1480 года, когда Русь государей Ивана Великого и его сына Ивана Младого вышла из даннического подчинения ордынским ханам.

Много с тех пор было сношений русских митрополитов и государей с патриархами по дипломатическим каналам, идея «русского патриарха» то разгоралась, то затухала, в зависимости от состояния дел в царстве Московском и крепости престола государя...

А с каких-то пор, сразу после венчания его зятя Федора на царство, Годунова стала будоражить и радовать сама мысль, что судьба идеи «русского патриарха» находится не в слабых дрожащих руках слабовольного царя Блаженного или бездарного митрополита Дионисия, а именно в его наполненной живительной силой руках, в его взволнованном идеей сердце. Годунов стал жить этой великой абстрактной идеей, претворением ее в жизнь по мере укрепления своих собственных позиций властителя при недееспособном государе и митрополите, мечущемся между боярских партий в желании услужить «сильным и богатым».

В 1586 году антиохийский патриарх Иоаким оказался на западных границах Русского царства в Смоленске и обратился к царю Федору с просьбой о посещении Москвы и «устроения церковного братства», как он это сделал недавно в Литве. «Милостыню будет просить, – сказал тогда Годунов Федору, – а мы попробуем прояснить вопрос о патриаршестве в столице». – «Патриарх Иоаким или патриарх Дионисий?» – спросил с блаженной улыбкой на устах Федор. «Пока ни тот, ни другой, – усмехнулся Годунов. Если уж ставить патриарха на московский престол, то только Константинопольского...» – «Почему только его?» – удивился Федор. «А потому, что при Иоакиме московский патриарх будет подчиняться Константинопольскому, – отрезал Федор, – а наш патриарх должен быть первым в православном мире». – «А-а-а, – протянул, покачивая недоуменно головой, Федор. – А я и не догадался об этом».

Согласно летописному сказанию, Федор Иванович рассказал на заседании боярской Думы о пришедшей ему идее «русского патриарха», уже обсужденной с царицей, нарочито не упоминая имя митрополита Дионисия. В Думе оценили деликатность замысла царя и царицы, склонных следовать четким указаниям брата и шурина-конюшего. О его невысоких умственных способностях бояре отзывались так: «Улыбается, как умник».

Владыка Иоаким со свитой был приглашен в Москву и размещен в огромных хоромах боярина Ф. Ф. Шереметева, обеспечен всем необходимым. Волей конюшего митрополит Дионисий не принимал практически никакого участия в переговорах о судьбе московского патриаршества, что вызвало раздражение митрополита, который занял по отношению к Иоакиму жестко-конфликтную позицию. Все события того времени прошли мимо Дионисия, и все это не в пользу митрополита, который отнюдь не проявлял желания получить благословение на патриарший престол от заезжего грека, с которым вел свои тайные переговоры лично Борис Федорович Годунов. Не тогда ли владыка Иоаким и через него все вселенские патриархи узнали о существовании сподвижника Годунова, о деятельном архиепископе Ростовском Иове?

...

И вот, когда уже произошло стараниями Годунова и его партии восшествие Иова на московский митрополичий престол, в июле 1588 года, к великому удовольствию Федора Ивановича и Бориса Федоровича, явился в стольную Москву патриарх Константинопольский Иеремия... И был пышный прием патриарха в столице Русского православного царства, какого Москва еще не видела... Престарелый патриарх с нескрываемым удивлением взирал на толпы встречающего его народа русского, богобоязненного... Так первого лица Византийского архиерейства не встречали нигде... И нигде в знакомом ему православном мире не было такого чудного, сияющего на солнце церковного благолепия... Ехал престарелый патриарх к царю на осляти по московским заполненным улицам и упивался счастьем богоизбранности в Третьем Риме, Москве, в лихие несчастные времена для Византии, Второго Рима, Константинополя...

Федор Блаженный сошел со своего царского трона, встречая Иеремию Константинопольского, и принял с любовью и не сходящей с его лица счастливой блаженной улыбкой священные дары патриарха: икону с изображением страстей Господних, с каплями священной крови Христа и с частичкой святых мощей императора Византийского Константина... И в этот великий момент для развития идеи «русского патриарха» Федор Блаженный велел своему шурина-конюшему беседовать с Константинопольским патриархом наедине...

Патриарха отвели в отдельную комнату, где он долго рассказывал Годунову о своих тяготах ссыльного и опального на острове Родос: как султан вернул его в Константинополь и как он объезжает земли христианские для сбора милостыни для устройств патриарших в столице православия... Далее, беседуя с Годуновым, патриарх похвалил мысль царя Федора «иметь патриарха в Москве». И тут же «на голубом глазу» хитромудрый Годунов предложил ему сие высокое достоинство. По лицу Иеремии можно было прочесть, что патриарху понравился «замысел царя». Но при высказанном Годуновым условии – жить и проповедовать в первом некогда стольном городе Русского царства Владимире! – печаль тронула лицо патриарха. «Зачем мне уезжать из Москвы, – светились вопросом умные глаза опытного первоиерарха, – если царь и патриарх всегда правят царством из одного места?»

Не мог же Годунов посвятить патриарха в свои далеко идущие планы с восшествием на престол своего сподвижника Иова. Ведь при патриархе Иеремии на московском столе пришлось бы удалять Иова из столицы, в тот же Владимир. А это было уже противопоказано Годунову по многим политическим соображениям долгого противоборства с боярскими партиями. Не разъяснять же владыке, что даже в нынешней руководимой им боярской Думе не все его сторонники, из тринадцати думцев его людей – «всего восемь». Не мог же Годунов объяснять ему, что без толмачей и наставников, не зная русского языка и обычаев русского православного царства, невозможно патриарху Иеремии стать духовной опорой царю в сложном правлении государством. Это с ним, Годуновым, знающим благодаря наставничеству постельничего дяди Дмитрия с юных лет латынь с греческим языком, хорошо и легко обсуждать вопросы церковного обустройства, а с неграмотными «безъязыкими» епископами и архимандритами пришлось бы греку помучиться.

Патриарх без раздумья принял довод Годунова, что султан все равно уже разорил Константинопольское патриаршество, а до Московского патриаршества тому не добраться, как не добраться до него всем врагам христианской веры в ее православной традиции. Удалось опытному дипломату Годунову убедить патриарха, что невозможно ни в коем случае удалять митрополита Иова, мужа святого и богоугодного, из Москвы. «Как же быть с митрополитом Иовом? Как быть с митрополичьим престолом в столице Русского царства, в Москве Первопрестольной?» – спросил с большим достоинством Годунов, глядя прямо в глаза патриарха. Тот не заставил долго ждать, сказал со странным чувством облегчения, словно сваливая с души тяжелую ношу своей личной ответственности за судьбы русского православного государства: «Да исполнится воля Божья и царская! Уполномоченный нашей церковью, благословлю и поставлю на московский патриарший престол того, кого изберет царь Федор, вдохновленный Богом».

Самым важным для всех греков, прибывших в свите патриарха Иеремии, было то, что переход в Москву патриаршего престола был выгоден и Константинополю, и Москве. Но одновременно удивительным были для греков мотивы Годунова и поведение царя Федора, объявляющих о необходимости учреждения патриаршества в Русском государстве, но только так, чтобы Константинопольский патриарх Иеремия не стал патриархом Московским. Ведь своим согласием на «тайной» беседе с Годуновым занять Московский патриарший престол патриарх Иеремия подтвердил тот непреложный факт, что Русское царство, великая Россия достойна иметь и престол, и патриарха. Идея «русского патриарха» была усилиями Годунова и его советников-сподвижников близка к осуществлению уже в январе 1589 года. Добившись своего, Годунов именем царя пожелал, чтобы избрание патриарха было организовано без лишней суеты и спешки, свойственной многим, самым благопристойным образом.

И уже 17 января состоялось заседание царя Блаженного с освященным Собором, на котором высшее духовенство во главе с митрополитом Иовом одобрило «замысел царя» и «положилось на его волю». Через два дня царь, митрополит и освященный Собор приговорили направить делегацию церковных иерархов к патриарху Иеремии для совета о предстоящих церемониях. Много раздумывать большим духовным лицам не пришлось: верный Годунову дьяк Щелканов представил иерархам план действий. В четверг 23 января русским архиереям, за исключением митрополита Иова, остававшегося на своем митрополичьем дворе, надо было собраться в Успенском соборе. Оттуда направить почетную делегацию за патриархом Иеремией. После торжественной встречи на крыльце собора Успенья патриарха и Иеремию со свитой греческих священников «тайно» советоваться с присутствующими об избрании патриарха, а также двух новых митрополитов – Новгородского и Ростовского.

Затем митрополит Иерей Мономвасийский, архиепископы Тихон Казанский и Арсений Елассонский, епископы Иов Суздальский, Сильвестр Смоленский, Митрофан Рязанский, Захария Тверской, Иосиф Коломенский и Геласий Крутицкий удалялись в придел Похвалы Богородицы и избирали по три кандидатуры на патриаршество и обе митрополии... Вот оно, торжество церковной демократии в православной традиции...

В патриархи, по заявлению годуновского дьяка Щелканова, были рекомендованы митрополит Иов, архиепископ Александр Новгородский и Варлаам Ростовский. На Новгородскую митрополию были предложены опять же Александр Новгородский и еще две кандидатуры архимандритов, на Ростовскую митрополию – архиепископ Варлаам Ростовский и еще две другие кандидатуры архимандритов...

(А слабо было святым отцам двух архиепископов, Александра и Варлаама, выдвигаемых на патриарший престол, не двигать на митрополии, если ничего не ясно было с проходом Иова в патриархи? Или и так было заранее ясно, кто должен стать патриархом и митрополитами?)

В выборе царя не было сомнения. Царь выбрал патриархом Иова.

И 23 января 1589 года после вечерни первосвященитель Иов, возведенный на патриарший престол, в епитрахили, в омофоре и в ризе пел молебен в Успенском соборе в присутствии царя, новых митрополитов, множества епископов, архимандритов, бояр и дворян. Иов стоял на амвоне, держа в одной руке зажженную свечу, а в другой письменное послание к царю и духовенству. Тут к нему приблизился один из важных сановников, также державший в руках пылающую свечу, и громко, торжественно произнес, обращаясь к патриарху: «Православный царь, вселенский патриарх и собор освященный возвышают тебя на престол Владимирский и Московский и всея России».

Иов с достоинством отвечал: «Я – раб грешный, но если самодержец, вселенский господин Иеремия и собор удостаивают меня столь высокого сана, то приемлю его с благодарением». Затем он с умилением произнес обет «ревностно блюсти вверенное ему от Бога стадо».

Вышедши из церкви, Иов, сопровождаемый епископами, боярами и многими дворянами, чиновниками, ездил на осляти вокруг кремлевских стен, осеняя крестом народ, читая молитвы целости града...

На памятном обеде у царя Годунов сидел рядом с Федором, близко к Иерею Константинопольскому и Иову Московскому. Федор спросил шурина:

– Ты доволен?

– Довольствие – не то слово, государь, – задумчиво ответил Годунов. – Я счастлив.

– Счастлив? – с удивлением переспросил Федор. – Неужели можно быть счастливым человек, добившись утверждения патриархата, то ли третьего, то ли пятого по счету у него... – Он показал глазами на патриарха Иерею. – Где же наша выгода?... Вот если бы первым патриархатом стал наш Московский – тогда мне была понятна наша выгода...

– Это пока не по силам ни мне, ни тебе, ни Господу, – грустно произнес Годунов, – может быть, долго... никогда такого не будет...

– И все же где выгода наша – есть ли она, Борис?

– Выгоды было мало бы, если бы на наш престол взошел грек Иеремия, а не игумен Старицкий, епископ Коломенский и архиепископ Ростовский Иов...

Царь сокрушенно покачал головой, не понимая: какие же выгоды преследовал его шурина, конюший Годунов, добиваясь всеми правдами и неправдами патриаршего престола именно для митрополита Иова, возведенного на митрополичий стол с его помощью всего год назад?

Годунов улыбнулся и, пересекшись взглядом с владыкой Иовом, лукаво подмигнул тому, кому помог быстро пройти путь от игумена Старицкой обители в опричной стороне до епископа, архиепископа, митрополита и патриарха, последовательно, на кого нынешний безраздельный властитель (при декоративном царе) мог смело надеяться при осуществлении своих дерзновенных замыслов в обозримой перспективе. Годунов, помогши взлету Иова на патриарший престол, свято верил и в свой взлет – только куда, как высоко и зачем?...

Глава 7

– Чудны дела твои, Господи, не властитель ходит к патриарху, а патриарх идет к властителю...

С этими словами Годунов вышел из-за дубового стола в своей думской резиденции навстречу к владыке Иову для приветствия и благословения. Поздоровались и обнялись радостно и сердечно, как будто сто лет не виделись. Годунов решительным жестом предложил присаживаться, мол, разговор есть серьезный, государственный.

– Зачем ко мне посылал людей, Борис Федорович? Зачем я тебе понадобился? – спросил без обиняков Иов. – Сподручней было бы первым боярам до своего владыки пешим добираться.

– Совет желает держать с новоиспеченным патриархом властитель царства Русского, – отчеканил Годунов, – потому и призвал тебя для душевспасительного разговора с глазу на глаз.

Иов тяжело вздохнул, но осмелился возразить властному и велеречивому шурину-конюшему Годунову:

– Царь наш Федор Иванович смирен и блаженен, но не настолько же, чтобы не считать себя властителем-правителем при первом великом боярине Борисе Федоровиче... Чин на мне ангельский, но и с этим чином можно спросить: разве это дело благое, что в нашем царстве при живом государе в полном здравии и рассудке...

– ...два властителя-правителя, связанные тесными родственными узами, соседствуют рядом и действуют на ниве государственных интересов, в меру своих способностей и талантов, данных Царем Небесным, – подхватил и продолжил мысль владыки выпрненным слогом велеречивый боярин. – Или я ошибаюсь в своих талантах, необходимых государству нашему?... Или владыка Иов, после восшествия с божьей помощью и трудами земными нашими, отказывает мне в призвании властителя?

– Но ведь нет...

– ...Нет такого титула и чина «властителя» или «правителя» в табели о рангах в государстве, – резко перебил патриарха Годунов. – Это ты, владыка, хотел сказать мне в лицо? Ну и что, что нет? Нет, так будет... При живом и невредимом царе Блаженном, воистину, в здравии и рассудке... Не враг я, владыка, своему родичу-царю, но властвовать в нашем царстве предопределено мне, грешному боярину, некогда хутородному опричнику... Или считаешь, что царь Блаженный способен властвовать в государстве один, без моего вспоможения и без моего содействия процветанию государства?...

– Нет, не считаю, но... – начал свои речи Иов, но стушевался, догадываясь, что Годунов его снова прервет.

Годунов в упор поглядел на Иова и возвысил голос уже не велеречивого мужа, а властителя-правителя, с титулом или без титула, сегодняшнего или завтрашнего, неважно:

– Ты, владыка, нужен мне как сподвижник и советник в больших делах государственных. Знай одно, что в этих делах не за себя я хлопочу, не ради себя и своего рода стараюсь, а ради процветания нашего великого и несчастного царства-государства... – И, не отводя своих глаз в сторону, по-прежнему глядя твердо и решительно, но с понижением тона добавил: – ...Не забывай, кто тебя всегда поддерживал, всегда был твоим соратником-сподвижником на твоей духовной стезе еще с тех времен, когда ты был настоятелем в Старицкой обители – до твоего вызова в Москву и далее до патриаршего престола...

– Не забуду, всегда буду помнить, – кротко выдохнул Иов, – но и...

– Без всяких «но», владыка! – отрезал Годунов. – Твоя помощь патриарха-молитвенника нужна нынче как всему русскому воинству, так и будущему отцу сына-властителя... – Он чуть не сказал «сына-царевича», но вовремя спохватился. – Да, да, жена на сносях, властитель Году-

нов ждет рождения сына-наследника, сына властителя-правителя... Но об этом напоследок поговорим, а пока насчет сношений с иноземными государями, в связи со скорой кровавой потехой со шведами, хочу тебя известить и твое наставление выслушать...

Иов знал о том, что разрешение сноситься с иностранными государями было дано Годунову еще с конца 1586 года. Конюший, действительно на правах властителя, принимал иностранных послов, переписывался и «передаривался» с иноземными монархами: австрийским императором, английской королевой, крымским ханом, польскими магнатами. Иов отметил про себя, что при этом не очень грамотный в правописании и грамматике Годунов благодаря своей удивительной, просто феноменальной памяти, зрительной и слуховой, легко схватывал иноземные языки. Владел латынью, бегло говорил на греческом и польском языках, освоил шведский и осваивал английский. Внешняя политика Русского государства благодаря «неформальному властителю-правителю» страны во время правления Годунова отличалась сдержанностью и осторожностью и преимущественно «миролюбивыми устремлениями». Злые на язык бояре и воеводы подкалывали конюшего за глаза за то, что он никогда не был искусен и успешен в суровом ратном деле, да и по своему характеру «интригана-политикана» не любил рискованных предприятий.

Догадывался Иов, что почему-то оказался нужен Годунову перед его скорым рискованным походом с русским войском против шведов...

Патриарх был наслышан об одной политической интриге «неформального властителя-правителя» с устройством избрания в ходе демократической процедуры царя Федора Ивановича на опустевший королевский престол Речи Посполитой после смерти Стефана Батория. В предыдущее несчастное царствование Ивана Грозного Россия понесла несколько жестоких поражений. Потому при новом венчанном царе Блаженном и «неформальном властителе-правителе» Москва старалась поддерживать мир с Польшей путем коротких или длительных перемирий. Но после смерти выборного короля Стефана Батория в 1586 году Годуновым была предпринята отчаянная попытка, «в обход шведов» с их королевичем Сигизмундом Вазой (старшим сыном короля Швеции Юхана Третьего), посадить «своего человека». Под «своим человеком» Годунов считал не толькодвигаемого на польский престол зятя-царя Федора Ивановича, но эрцгерцога австрийского Максимилиана. Но его попытки провести в короли Федора или, на худой конец, Максимилиана провалились, королем Речи Посполитой был избран швед Сигизмунд Ваза, на польском престоле получивший имя Сигизмунда III. Война со шведами, узнавшими о подкупе сейма Годуновым, без мирного договора с установлением границ Швеции и России становилась неизбежной. Отягощающим фактором интриги Годунова было давнее желание Москвы вернуть себе захваченные шведами в ходе Ливонской войны города и земли в Прибалтике (Нарва, Ивангород, Ям, Копорье, Карелия).

– Нам надо ударить по шведам, пока король Сигизмунд не укрепится на польском престоле. С Речью Посполитой нам сейчас невыгодно воевать. Царь Грозный навоевался, все свои зубы на поляках обломал.

– Знаю, – тихо сказал Иов.

– Не все знаешь, владыка, не все видишь со своего патриаршего престола. Шведы стали нападать на наши пограничные укрепления и воинские гарнизоны, провоцируя и ожесточая нас...

– Об этом я не знал...

– Так знай, владыка... Я помню твой совет: «Жить надо тихо и мирно». Я сделал все возможное открытой дипломатией и невозможное тайной... Но придется воевать... – Годунов сильно поперхнулся, но совладал с собой и продолжил: – ...Я отдал приказ начать собирать большую армию. Знаю, что не время для больших сражений, но уже в кустах не отсидеться, ожидая милости от противника...

– Воля твоя, Борис Федорович...

– Вот видишь, владыка, при нашем царе Блаженном, с вечной умиленной улыбкой на устах, жующем свои молитвы великого печальника о земле Русской и своих подданных, воистину, властителю-правителю царства надо принимать решение объявления войны, начала военных действий... – Годунов почернел лицом и закончил свою жестокую фразу: – ...посылая наших воинов за русской победой, обрекая их на страдания и смерть неминуемую в подобных войнах...

– Понимаю, сын мой...

– Не все ты понимаешь, владыка... Помнишь, как польский король Стефан Баторий прислал вызов царю Ивану Васильевичу: выйти с ним в чистом поле – один на один! – с мечом, любым оружием, хоть с голыми руками... Драться до смерти властителей стран и завершить войну без пролития большой крови подданных... Кто победит – король или царь, – того и победа... Испугался царь Грозный сильного короля-воина... А я сейчас не испугался бы, вышел бы против любого их властителя... Знаешь, что мне силы дает и страх отгоняет? Потому что ответственность властителя-правителя чувствую при нашем царе Блаженном, не знающем бремени такой ответственности... – Годунов зло усмехнулся. – ...умею жевать сопли, печалиться и молиться постником-молитвенником... Но поздно печалиться перед большой войной, хотя молиться за все наше русское воинство и властителя-правителя государства всегда надо, владыка...

– Бог тебе помощник, Борис Федорович, – вымолвил тихо, но со значением патриарх Иов. – Понял я суть предназначения «властителя-правителя» на вершине государственной власти

– Не пойми ошибочно, лиха на царя-родича не держал и не держу. Пусть худо мне будет от моего бремени властителя, а царю худа не пожелаю.

– Только непосильного бремени властителя-правителя не возлагай на себя, Борис Федорович. От непосильного бремени хребет может треснуть, не только твой человеческий, но и царства всего...

– Спасибо за понимание, владыка... Знай, что именем царя я объявил общий сбор наших войск и назначение воевод по полкам. Войско ударное под сорок тысяч бойцов, разумеется, под командованием царя Федора Ивановича, а не под началом властителя Годунова, из Новгорода двинется двумя рукавами – на Ям и Копорье. Подождем из Пскова обоза с осадными пушками и начнем бить по стенам Ивангорода и Нарвы. Молись за русское воинство, владыка, и жди нас с победой...

– Конечно, буду молиться, Борис Федорович, за воинство и за правителя...

Годунов застенчиво улыбнулся и, наклонив голову к Иову, произнес срывающимся шепотом:

– Начни молиться не за одного властителя-правителя, а за его супругу Марию... Рожать Марии скоро, хочу сына-наследника, хочу сына-властителя-правителя...

– Помогай, Господь, непременно буду молиться за твою супругу, Борис Федорович... За счастливое разрешение от бремени сыном или дочерью...

– Сыном, владыка, только сыном...

– Пусть Мария подойдет к гробнице с мощами Василия Блаженного... Мы этого великого юродивого правдолюбца канонизировали недавно, поскольку стали большие чудеса у его мощей приключаться... Выздоровливают даже те, кто совсем потерял здоровье...

– Была, была моя Мария у гроба юродивого, молилась многожды... Ты сам о ее здравии помолись...

Иов замялся и почти беззвучно прошелестел сухими губами:

– Я ведь за царицу тоже еженощно молюсь, чтобы надежду чадородия Господь ее исполнил побыстрее... Хватит нам смут и мятежей...

– Да уж... – еще шире улыбнулся Годунов. – Хватит нам боярского зла и лукавства Дионисия с Варлаамом... Порядок утверждай в патриархии, владыка... Хватит нам непорядков митрополии лихого и опального Дионисия...

– Не будет больше непорядков в нашей церкви...

– Твоими бы устами да мед пить, а не прикасаться к нечистотам вашей церковной жизни...

Годунов напомнил патриарху, в связи с недавней канонизацией юродивого Василия Блаженного и святого отца Иосифа Волоцкого, о том, что рознь между заволжцами-нестяжателями, последователями преподобного Нила Сорского, и любостяжателями, последователями святого Иосифа, недавно дала себя знать. Была опасная жалоба, больше похожая на донос от рязанского епископа Леонида на имя царя Федора. Много чего там, в доносе, на ростовского епископа было написано: и о корыстолюбии монастырского начальства, и о личном обогащении епископов и архимандритов сребролюбивых...

– Мало в церкви бессребреников, больше сребролюбцев, – согласился патриарх, – будем исправляться.

– Взяв стадо патриархии, будь, владыка, пастырем добрым и грозным одновременно... А сына мне отмоли... – грустно покачал головой Годунов.

– Отмолю, правитель Борис Федорович...

– Все же правитель, а не властитель, владыка?

– По мне, честно говоря, властителем должен быть в государстве один человек – это царь...

– Будь по-твоему, владыка, как скажешь, сначала получу официальный титул «правителя», правя и властвуя... – согласился Годунов, подумавши про себя: «В Польше не удалось избрать „своего“ короля, так изберем самого себя „царем-властителем“ и освятим это избрание волей „своего“ патриарха...»

Воспользовавшись отвлечением русских сил на войну со шведами, крымский хан Казы-Гирей предпринял летом 1591 года набег на Москву со стотысячным войском. Хана подбивали к этому и шведы, обещая щедрое вознаграждение, но крымчаки не догадывались, что в столице, по инициативе Годунова и стараниями мастера Федора Коня, выстроили неприступную десятикилометровую стену (на месте современного Бульварного кольца). На стене организатором московской обороны Годуновым были установлены пушки и пищали. Все это было неожиданно для крымчаков, помнивших успех набег хана Девлет-Гирея двадцатилетней давности. Конное войско хана, прощупывая оборону Москвы, получило серьезный урон от артиллерийского огня. Для устрашения ханского войска Годунов приказал палить из пушек всю ночь, наводя страх и ужас на крымчаков, поручив одному дворянину донести до хана дезинформацию о прибытии к осажденным сильного подкрепления. На вопрос хана о беспрестанной стрельбе из пушек, не приносящей урона крымчакам, «пленный» сообщил, что русские стреляют на радостях от прибытия многотысячного подкрепления с обозами снарядов для пушек. Убедившись, что Москва надежно защищена, Казы-Гирей, не желая рисковать, не дожидаясь рассвета, поспешно ушел восвояси, бросив все награбленные трофеи. В память о «чудесной» победе над войском Казы-Гирея царь Блаженный приказал заложить монастырь спасительной Донской иконы Божией Матери.

Война со шведами, благодаря осторожности и дипломатическим уверткам Годунова, не имеющего больших талантов полководца, не обернулась большим кровопролитием для русских войск, она имела вялотекущий характер и завершилась к осени 1594 года заключенным перемирием в деревне Тявзино рядом с Ивангородом. Годунов сложными дипломатическими маневрами и компромиссами вернул России потерянные Грозным в ходе предыдущей Ливонской войны русские города – Ям, Ивангород, Копорье и прилегающие земли. Кроме того, Оре-

шек (Нотебург) и Ладога также отошли к Москве, но русским пришлось уступить шведам права на Эстляндское княжество (Эстонию).

К дипломатическим успехам Годунова можно было отнести и то, что в ходе почти четырехлетней войны со Швецией потери русских войск были предельно минимальны, насколько это может быть при замороженном и размораживающемся время от времени «Северном конфликте», получившем название у финских и шведских хронографов «Долгого враждования». При этом Годунову удалось нейтрализовать короля Польши Сигизмунда Третьего, не выступившего на стороне своего отца, короля Швеции, против Русского государства.

В самом начале русско-шведской войны в 1589 году, к радости супругов Бориса и Марии, родился их долгожданный наследник Федор Борисович Годунов. В середине русско-шведской войны, в 1592 году, у царя Федора Ивановича и царицы Ирины Федоровны, к всеобщему ликованиему народа и боярской Думы, родилась царевна, получившая удивительное имя Феодосия, или «Богом данная». После рождения долгожданного ребенка в честь «разрешения неплодства царицы» (после 17 лет брака) царь Федор раздал щедрые подарки не только по русским монастырям и церквям, но и в обители православных Палестины, Константинополя, Афона. То были счастливые времена для царя и его шурина-конюшего. Но, к сожалению, царевна, «Данная Богом», с покровительством святого Чудотворца Николая (поскольку родилась через 20 дней после празднования перенесения святых мощей святителя из Мир Ликийских в Бари) скончалась в феврале 1594 года. Ко времени кончины царевны не было в столице враждебных сил, способных бросить царице обвинение в бесплодии и требование развода царской четы.

Царский шурин к началу 1595 года, казалось бы, одержал безоговорочную и бесповоротную победу на всех фронтах – внутригосударственном, внешнеполитическом и личном. Именем царя и при поддержке патриарха и боярской Думы он получил в этот год титул «правителя», что не имело ранее прецедента в русской истории. Англичанин Джильс Флетчер писал по этому поводу, что Борис Федорович может считаться «по власти и могуществу царем Русским». Джером Горсей обращался к Годунову с особым иноземным пиететом: «Ты сам великий государь, Борис Федорович, как скажешь слово, так оно и будет!» Причем Горсей заключал с заметным пиететом: «Эти мои слова не были ему неприятны, как я заметил. Он уже домогался венца». Русские послы в иноземных государствах получили наказ растолковывать там всем, что Борис Федорович есть «начальный человек на земле, а вся земля от государя ему приказана, и строение его в земле таково, какого николи не бывало».

Глава 8

Сложная ситуация в стране и ее столице, предшествующая угличским событиям середины мая 1591 года – война со шведами и угроза нападения войска крымского хана, в Москве уже знали о выступивших крымчаках! – носила критический характер для правительства и правителя. Над страной нависла угроза вторжения шведов, татар и даже поляков Сигизмунда. Власти, по указанию Годунова, готовились к расширению театра военных действий, к борьбе не только с внешними врагами, но и такими же опасными внутренними мятежниками и бунтовщиками. Достаточно было случайной искры или специального поджога, хоть в столице, хоть других землях, чтобы народ, знавший о начавшейся войне на севере со шведами (на стороне которых могла выступить Речь Посполитая) и подходе к Москве войска хана Кызы-Гирея, забунтовал и восстал в разных землях Русского государства. В начале – середине мая на улицах столицы Годуновым были размещены мобильные, хорошо вооруженные отряды на случай вылазок враждебных сил и народных волнений. В такой обстановке случайная или злонамеренная гибель в Угличе царевича Дмитрия для Годунова была бы событием крайне нежелательным и крайне опасным по военно-политическим последствиям и приближения государства к великой Смуте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.